

**СДЕЛАНО
В СССР**

**ЛЮБИМЫЙ
ДЕТЕКТИВ**

СЕРАЯ СКАЛА

Николай Автократов

Сделано в СССР. Любимый детектив

Николай Автократов
Серая скала (сборник)

«ВЕЧЕ»

1940, 1945

Автократов Н. В.

Серая скала (сборник) / Н. В. Автократов — «ВЕЧЕ», 1940, 1945 — (Сделано в СССР. Любимый детектив)

ISBN 978-5-4484-7957-1

В книгу известного советского писателя Николая Васильевича Автократа (1894–1961) вошли две его остросюжетные повести: приключенческая и фантастическая. Первая из них – «Серая скала» – о судьбе секретного завода, сооруженного немецкими оккупантами на советской территории, который охраняют чудовищные статуи, готовые уничтожить всякого постороннего. Во второй – «Тайна профессора Макшеева» – рассказывается об удивительном изобретении – особых лучах, способных на расстоянии взрывать боеприпасы противника.

ISBN 978-5-4484-7957-1

© Автократов Н. В., 1940, 1945

© ВЕЧЕ, 1940, 1945

Содержание

Серая скала	6
Глава I. Надпись на стене	6
Глава II. Один на один с безумцем	9
Глава III. Находка в башне замка	11
Глава IV. Прогулка к заброшенному укреплению	15
Глава V. Смерть в заброшенном карьере	19
Глава VI. ТАЙНА ШИФРОВАННЫХ ЗАПИСЕЙ	22
Глава VII. Встреча на ярмарке	26
Глава VIII. «Рука Лисовского»	28
Глава IX. Неоконченные поиски	31
Глава X. Приключение на шоссе	35
Глава XI. По лесу за блуждающим огоньком	38
Глава XII. Новая догадка	43
Глава XIII. Подземная лаборатория	46
Глава XIV. Необдуманный шаг	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Николай Васильевич Автократов

Серая скала

© Автократов Н.В., наследники, 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

Серая скала

Глава I. Надпись на стене

Сразу же после окончания войны, в июле, я защитил дипломный проект цеха асбоцементных труб и вместе со своими товарищами по институту ждал назначения на работу.

Из нескольких предложенных мне мест я остановил свой выбор на цементном заводе, расположенном около города К., недалеко от границы с Румынией. Одновременно со мной окончила институт и моя жена, Леночка, и также получила назначение на этот завод.

Нам полагался месячный отпуск. Леночка решила провести его у своих родителей на подмосковной даче. Они приглашали и меня, но я подумал, что разумнее всего отправиться к месту будущей работы, чтобы оглядеться, познакомиться с сослуживцами, подыскать квартиру, – словом, хоть немного организовать быт к приезду жены.

Я быстро собрался и с небольшим багажом сел в поезд на Киевском вокзале, а через двое суток под вечер уже подъезжал к месту назначения. Еще издали увидел я высокую башню замка, чернеющую на фоне неба. Вскоре показался и сам городок – небольшой, красивый, живописно расположенный по склонам холмов, вдоль берегов широкой, полноводной реки.

Чистенькие улицы, маленькие беленькие домики под черепичными кровлями, окруженные деревьями с ветвями, нависшими над тротуарами, широкие площади, тенистые каштановые аллеи, базар, уставленный повозками, возле которых пережевывали жвачку волы, кофейни со столиками, расставленными на улице, – все это было типично для южного украинского городка.

До завода надо было еще проехать по шоссе двенадцать километров. Я успел послать в Москву телеграмму и занять место в автобусе, который курсировал между вокзалом и заводом. Через минуту автобус уже мчался по прекрасной асфальтированной дороге, обсаженной с обеих сторон тополями. Дорога сделала несколько петель по склону холма, спустилась в ложину, поросшую редким кустарником, круто повернула, и вот перед нами снова открылась широкая гладь реки. Теперь мы ехали вдоль ее берега прямо на запад. Багровый диск солнца, окутанный лиловой пеленой облаков, отражался в зеркале реки вместе с черными берегами. Было совсем тихо. Я молчал, очарованный красотой пейзажа.

Но вот вдалеке показались силуэты трех заводских труб. Из одной шел дым. Еще несколько минут – и в темноте замелькали огни заводского поселка.

Машина повернула на площадь и остановилась у мрачного двухэтажного здания, окруженного строительными лесами. В окнах кое-где были решетки. Единственный фонарь тускло освещал небольшую, прибитую над дверью вывеску. Все это производило гнетущее впечатление, и я, прочитав вывеску, с трудом поверил, что здесь помещается гостиница. Я позвонил. Послышались тяжелые шаги, осветилось окно, и массивная дверь медленно отворилась. На пороге стоял старик.

– Скажите, здесь гостиница? – спросил я.

– Она самая, не беспокойтесь, не тюрьма, – ответил старик, приветливо улыбаясь. – Вот сюда пожалуйста.

Он открыл боковую дверь и впустил меня в контору – только что выкрашенную комнату. Стол, стулья, несгораемый шкаф. На стене за стеклом доска для ключей и большой плакат с правилами... Я передал свои документы.

– Мы поместим вас на втором этаже, – сказал старик, после того как были закончены все формальности. – Его уже отремонтировали, и решеток там нет. Идемте наверх... Да, невеселенький домик, что и говорить! – продолжал он, когда мы поднимались по лестнице. – Здесь

ведь при фашистах гестапо помещалось, самое настоящее гестапо, с подвалами. В той комнате, где контора, собаки содержались... Кто сюда попадал, тот уж и прощай! На площади виселица стояла, – добавил он шепотом. – Теперь об этом вспоминаем как о тяжелом сне. Вот отремонтируем помещение, переделаем фасад, и будет у нас гостиница что надо.

Комната, которую мне предложили, была небольшая, но хорошо обставленная, с окном, выходящим в сад.

Пришла девушка, принесла белье, поставила на стол вазу с цветами, постелила постель и ушла, пожелав спокойной ночи.

Несмотря на открытое окно, в комнате было душно и пахло краской. Спал я плохо. Мне чудились какие-то страшные фигуры, смотрящие неподвижными глазами из всех углов и протягивающие ко мне длинные, покрытые броней щупальца.

Впрочем, проснулся я бодрым. Яркое солнце, свежий утренний воздух, веселые голоса строителей, работающих на лесах под окнами, рассеяли все тревоги минувшей ночи. Я привел себя в порядок и пошел в столовую. Она помещалась в уже отремонтированной половине первого этажа. Там было очень мило: чистые скатерти, цветы, новая посуда.

Несмотря на ранний час, за одним из столиков уже завтракал какой-то красивый молодой человек с густой черной шевелюрой, коротко подстриженными усами и в очках. Новенький серый костюм сидел на нем великолепно. Золотые часы замысловатой формы на руке, внушительных размеров автоматическая ручка и карандаш, торчащие из кармана пиджака, расческа в виде золотой рыбки, которую я заметил в бумажнике, когда он расплачивался, говорили о его стремлении быть оригинальным. Он читал газету и только мельком взглянул на меня.

– Кто это такой? – спросил я старика заведующего, когда незнакомец вышел.

– Корреспондент какой-то газеты, – ответил он. – Уже две недели здесь живет.

Позавтракав, я пошел осмотреть ту половину первого этажа, где при гестапо было тюремное помещение. Большинство комнат было уже отремонтировано, но несколько камер остались в прежнем виде. Я зашел в одну из них. В ней царил полумрак. Оба ее окна были на три четверти заложены кирпичом. В оставшейся сверху щели чернели прутья железной решетки. Слабый свет, еле пробивавшийся сквозь пыльные стекла, тускло освещал серые стены, кое-где покрытые пятнами сырости.

Лампа, вдавленная в грязный потолок, деревянные нары вдоль стен, железная дверь с засовом и глазком – вот и все. Вглядевшись, я заметил, что стены во многих местах исписаны. Вот надпись синим карандашом, крупным, твердым почерком: «Товарищи, держитесь!» И дальше: «Мы презираем вас, палачи!» Рядом нацарапанные чем-то острым строки: «Здесь провели свои последние часы Толя Сердобин и Женя Аносов. Товарищи, отомстите за нас!» А ниже почти стертая надпись углем: «Выполнил свой долг перед Родиной и умираю!»

Еще и еще надписи – твердой рукой мужчины, детским и женским почерком – свидетели мужества, героизма и бесстрашия советских людей.

Глубоко потрясенный, я вышел из комнаты. Рядом была другая камера, поменьше. Там было светлее: ремонт кончался, решетку выломали, разобрали кирпичную кладку окна и убрали нары. Потолок и одну из стен уже вычистили. Другую стену рабочий чистил скребком. Я хотел было уйти, как вдруг заметил на этой стене, прямо над полом, несколько рядов чисел, старательно и четко написанных карандашом. Числа были однозначные и двузначные, разделенные промежутками. Что это могло означать?

Первой пришла на ум догадка, что здесь написано зашифрованное сообщение. Вероятно, заключенный написал на стене нечто важное, чего не хотел показывать гестаповцам, и потому поместил надпись под нарами, где она не сразу бросалась в глаза. Ее никак нельзя было оставить без внимания. Я нашел клочок старых обоев, попросил у рабочего карандаш и стал переписывать числа.

– А! Вы тоже заинтересовались надписями? – услышал я звучный голос и, обернувшись, увидел того самого корреспондента, который завтракал со мной в столовой. – Я просто потрясен, – продолжал он, – какой ужас! Какие негодяи!.. Позвольте, однако, представиться: Коломийцев, корреспондент киевской газеты... Очень приятно!

Мы поздоровались. Он был без пиджака, и я заметил на его левой руке, на ладонь выше часов, след от пулевой сквозной раны. Он наклонился к цифрам и внимательно стал их разглядывать:

– Что вы здесь списываете?.. Ага, это интересно! Весьма интересно! Так, так... Но только вы напрасно стараетесь. Все это уже давно переписано и переснято. В горькоме вы найдете целый альбом. Идемте лучше, я провожу вас в подвал, где гестаповцы пытали свои жертвы.

Подвал был только что отремонтирован, и там ровно ничего интересного не было.

Мы еще немного поговорили. Он приехал, оказывается, на завод, чтобы присутствовать при торжестве пуска второй печи, но едва ли дождется этого. Он не может пробыть здесь более двух или трех дней, так как спешит в Чернигов на баскетбольное состязание.

Мы расстались. Я пошел представиться директору завода, а также своему будущему шефу – начальнику печного цеха Григорию Ивановичу Толкачову, под руководством которого мне предстояло работать.

Потом мы с ним осматривали производство. От старого, разрушенного фашистами завода, состоявшего только из одной печи, можно сказать, ничего не осталось. На его месте построили новое, мощное предприятие, состоящее из трех громадных вращающихся трубчатых печей. Одна печь уже работала, другая проходила испытание, а третья монтировалась.

– Вот какой вывели заводец! Красавец, гигант! – сказал Григорий Иванович, когда мы оканчивали осмотр.

– Место уж больно хорошее: мергеля – первый сорт, мало где такие еще найдутся, и запасы их громадные, и вода рядом.

Уже темнело, когда я покинул завод и направился в гостиницу.

Плотные облака заволокли небо. Сквозь них, как в дыму, плыла луна. Было тяжело и душно, как бывает перед грозой. Ни малейшего ветерка. А он мог бы принести хоть немного прохлады. В моей комнате, несмотря на открытое окно, просто нечем было дышать. Захватив матрац, простыню и подушку, я выбрался через окно на леса и расположился там.

«Если начнется гроза, успею убраться в комнату», – подумал я, завернувшись в простыню и скоро заснул.

Глава II. Один на один с безумцем

Сквозь сон я почувствовал, что меня кто-то трясет за ногу. Еще и еще... Открыл глаза. У стены, заслоняя спиной окно и широко раздвинув руки, стоял высокий и худой старик. Нет, это не сон! При слабом свете луны я ясно видел его бледное, как стена, лицо, седые растрепанные волосы, всклокоченную бороду и грязную розовую рубашку. Вытянув шею, он разглядывал меня с любопытством и насмешливо улыбался. Я приподнялся.

– Ни, ни, ни... – прошептал старик, грозя мне пальцем. – Это не поможет... Слушай: «Я, могучий, беспощадный юноша-вождь, захватил Эфесское царство!» Запомни это, запомни: «Я, могучий, беспощадный юноша-вождь...»

Он снова и снова повторял эту бессмысленную фразу, все быстрее и быстрее. При этом он придвигался ко мне и наконец наклонился так близко, что борода его коснулась моей груди. Глаза его лихорадочно сверкали, а руки делали какие-то нелепые движения, точно царапали простыню. Сомнения не было – передо мной стоял безумец. Я оттолкнул его и вскочил на ноги.

– А... так, так, так! – проговорил он и засмеялся. – Так вот ты кто! Теперь-то я тебя узнаю... не скроешься... Ты Бедуин! Бедуин! Вернулся? Опять!

Внезапно выражение его лица изменилось.

– Где он? Куда вы его спрятали? Отдайте мне сына! – закричал он и, упав на колени, обнял мои голые ноги.

Я не знал, что делать: бежать некуда, к тому же он крепко меня держит... Кричать? Как-то неудобно. Очевидно, это несчастный отец, потерявший сына на фронте.

– Дедушка, не волнуйтесь, – сказал я насколько мог спокойно. – Вашего сына я не трогал и никогда не видел. Я только вчера сюда приехал... Если он погиб на войне, то как герой, защищая Родину...

Мне не следовало говорить этого. Он сразу поднялся во весь рост, затрясся, взглянул на меня с невыразимой злобой и закричал:

– Да, он герой, герой, а ты Бедуин, ты, предатель! Бедуин! Предатель, предатель!

Тут он бросился на меня и с несвойственной для старика силой вцепился мне в горло обеими руками.

Что было дальше, я точно не помню. Мы боролись у самого края лесов. Под нами дрожали и гнулись доски. Один момент я был на краю гибели. Навалившись всем телом, старик перегнул меня через перила, не переставая душить. Ноги мои болтались в воздухе. Я задыхался. В глазах поплыли красные круги. «Неужели это конец?» – пронеслось у меня в голове. Рванувшись, я успел зацепиться ногой за доску и освободился из объятий безумца, потом вскочил, схватил его за плечи и изо всех сил оттолкнул. Он ударился головой о столб, потерял равновесие и упал с лесов.

Можно было подумать, что он разобьется. Но нет: падая, он ухватился за какой-то предмет и легко соскочил на землю. В ярости, прыгая в каком-то диком танце и угрожая мне кулаками, он закричал голосом, полным злобы:

– Запомни ты! Запомни! «Я, могучий, беспощадный юноша-вождь, захватил Эфесское царство!» – потом с удивительной легкостью и быстротой бросился бежать через сад и исчез из виду.

В гостинице поднялась суматоха. Набежал народ с фонарями, пошли осматривать сад. Пришел и заведующий. Несколько успокоившись, я рассказал ему обо всем происшедшем.

– Да, да, – сказал он, качая головой, – я забыл вас предупредить: здесь не следует ночевать на открытом воздухе. Случается иногда, что старик бродит по ночам на площади и около дома... Это Иван Иванович Сердобин, бывший заводской бухгалтер. Несчастный человек! Видите ли, у него фашисты забрали в гестапо сына и повесили его потом здесь, на площади, да

еще его самого заставили смотреть. Ну, он и того... сошел с ума. В сумасшедшем доме сидел несколько раз – не вылечили... Днем он ничего, молчит, как немой, и ни на один вопрос не отвечает, а по ночам иногда шалит. Только он раньше не дрался. Разбудит и заставит слушать какую-то чепуху. Вы ему, видно, чем-то не понравились.

«Так это Сердобин, отец того самого Толи Сердобина, который оставил на стене тюрьмы такую трогательную надпись!» Мне стало до боли жаль старика и досадно на себя, что я неосторожными словами довел несчастного до припадка.

Когда на другой день утром я выходил из столовой, меня окликнул корреспондент Коломийцев. Он сидел на лавочке с плащом в руке и чемоданом у ног.

– А я вас дожидаясь. Хочу услышать из первых уст о необычайном ночном приключении. Забавно! Не правда ли? Говорят, на вас напал какой-то сумасшедший... Сделайте милость, поведайте мне. Корреспонденты всегда любопытны.

Я рассказал ему подробно обо всем, что произошло ночью. Он слушал меня внимательно и переспрашивал отдельные куски рассказа.

– Забавное приключение, не правда ли? – снова сказал он, когда я закончил рассказ. – Он вас принял, видимо, за какого-то араба. И чего только не сочинит больное воображение!.. Однако мне пора. До свидания! Спешу на самолет.

– Так ведь вы, кажется, собирались погостить здесь еще денька два-три? – не удержался я.

– Обстоятельства изменились. Не могу! – И он ушел.

«Обстоятельства тут ни при чем, – подумал я. – Просто тебя напугал сумасшедший. Ты хоть и пижон, а трус...»

Однако должен сказать, что мне тоже захотелось поскорее уйти из этих мест. Вторичная встреча со страшным стариком не предвещала ничего хорошего. Хотя он, по утверждению заведующего гостиницей, никогда не забирался в помещение, рассчитывать на такую скромность сумасшедшего не следовало. Я пошел искать себе комнату где-нибудь подальше от этого неприятного места.

Глава III. Находка в башне замка

Мне повезло. Совсем в другом конце поселка, недалеко от завода, мне указали на маленький домик с балкончиком и садиком перед ним, где сдавалась комната. Я постучал. Дверь отворила опрятная старушка и, видимо, обрадовалась, узнав о цели моего прихода.

Просторная, светлая комната была вполне достаточна для двоих и на первое время меня устраивала. Мы быстро договорились об условиях, и я решил здесь поселиться. Старушку звали Надежда Петровна Пасько. Она разговорилась и поведала мне о своем горе. Оно было таким же, как и у многих других матерей: сын ее еще в начале 1942 года был схвачен гестаповцами и с тех пор пропал без вести. Умер ли он здесь где-нибудь или же его отправили в Германию и он погиб там – никто ничего определенного сказать не мог. Он работал на заводе начальником химической лаборатории.

– Вот и живем мы здесь вдвоем с невесткой, Марией Сергеевной, горе мыкаем. Она на заводе служит, я – по хозяйству. А сейчас у нас внучка гостит, Танюша. На каникулы из Киева приехала.

Старушка улыбнулась, и лицо ее просветлело.

Вечером я уже окончательно перебрался на новую квартиру. Мария Сергеевна оказалась симпатичной женщиной лет сорока пяти, с приятным, хотя и утомленным лицом, серьезными серыми глазами и темными волосами, среди которых кое-где уже блеснула седина. Ее дочь выглядела совсем еще девочкой. Ей было двадцать лет, а на вид можно было дать не более шестнадцати. Она только что перешла на второй курс медицинского института. Светло-карие глаза ее глядели весело и задорно. Чистый лоб, правильный нос, длинные светло-русые волосы, заплетенные в косы, – все было красиво и гармонично. Ее внешность несколько портили лишь губы, которые были слишком толсты и маловыразительны. В ее стройной, крепкой фигуре и угловатых движениях было что-то мальчишеское. Она была любительницей прогулок и постоянно подбивала меня на них, но я предпочитал гулять в одиночестве.

Я целыми часами бродил по тропинкам и дорогам, мимо полей, засеянных пшеницей и кукурузой. Заходил в хутора, чтобы полакомиться только что сорванным, еще теплым виноградом, завтракал дынями и помидорами, запивая их молодым кисловатым вином. А иногда забирался на вершины холмов и оттуда смотрел на беловатые утесы, выступающие среди темно-зеленых пятен леса, на серебристую реку, на отдаленные усадьбы и села. Потом по вечерам рассказывал о своих путешествиях в длинных письмах...

Побывал я также и в городе, на этот раз вместе с Татьяной.

Я только что, перед самым отъездом из Москвы, был принят в кандидаты в члены партии и спешил стать на учет в районном комитете и представиться первому секретарю. Таня в тот же день поехала в город за покупками. Мы условились встретиться на бульваре.

Первым секретарем был товарищ Еременко. Я застал его в кабинете оживленно беседующим с посетителем.

– Познакомьтесь: Краевский, председатель местного союза охотников, – сказал Еременко.

Еременко расспросил меня обо всем, обещал привлечь к партийной работе и поинтересовался, хорошо ли я устроился и не нуждаюсь ли в чем-нибудь. Я поблагодарил его и рассказал, между прочим, о ночном приключении в гостинице.

– Да, знаю, знаю, – сказал он, – слыхал про этого несчастного. Не выдержал рассудок. И то сказать, легко ли отцу видеть пытку и казнь собственного сына! Во время оккупации, – продолжал он, – у нас действовало несколько подпольных организаций. Среди них была группа ЮРП – Юные разведчики-патриоты. Вот Артемий Иванович, – он указал на Краевского, – имел близкое к этому делу отношение.

Краевский молча кивнул головой. Это был совсем еще не старый, полный сил человек, но с седыми волосами. Серые глаза его смотрели спокойно и пронизательно. Только заметная нервозность, с которой он курил трубку, свидетельствовала о том, что он прожил далеко не спокойную жизнь.

– Да, – сказал он, оставляя трубку, – юные разведчики не раз оказывали нам большую помощь. Их группа была прекрасно законспирирована. Они сносились друг с другом с помощью особой азбуки. Мы имели дело только с одним их связным, Васей Гавриловым, по прозвищу Дядька. Крепкий был юноша. Когда весной девятьсот сорок четвертого года организация провалилась, он убил при аресте трех гестаповцев и застрелился сам. Тогда всех похватали: Аносова, Толю Сердобина, сестер Паниных – всего человек двенадцать. Из них восьмерых повесили на площади. Остальные, наверное, были замучены при допросе. Печальное воспоминание! Но до нашей подпольной организации фашисты так и не добрались.

– Так вы говорите, что старик бунтует? – спросил Еременко. – Напал на вас? Придется отправить его в психиатрическую больницу. Ничего не поделаешь. На воле оставлять нельзя.

Он приподнялся со стула, давая этим понять, что наша беседа окончилась. Встал и Краевский, и тут я заметил, что он хромает на левую ногу и ходит, опираясь на палку. Впоследствии я узнал, что он потерял ногу в партизанской войне и носит протез.

Отряд, которым он командовал, отходил врассыпную после удачного диверсионного акта. Краевский отступал последним и нарвался на мину – ему оторвало ногу. Помощи было ждать неоткуда, положение было отчаянное. Перетянув ногу ремешком, он три километра полз через кустарники по болоту, пока его не заметили товарищи, отправившиеся на поиски своего командира. Тут он потерял сознание...

Теперь он жил на положении инвалида Отечественной войны, получал пенсию и занимал пост председателя охотничьего союза.

Закончив дела в райкоме, я отправился на бульвар, где меня ждала Татьяна. Мы пошли бродить по городу. Потолкались по базару, купили винограду и груш. Потом обедали в столовой. Потом пошли в краеведческий музей, где познакомились с его директором, почтенной старушкой Маевой. Она посоветовала нам осмотреть старинный замок – одну из достопримечательностей города.

– Я сама люблю туда ходить, – сказала она тихим голосом. – Много грустных воспоминаний связано с этим замком. Там было место свидания наших юных героев. Сходите, посмотрите, замок интересный. Построен еще при короле Сигизмунде, более трехсот лет назад.

До отхода моторного катера, который ежедневно прибывал с завода и отправлялся обратно, оставалось три часа, и мы решили воспользоваться советом старушки.

Замок стоял в старом городе, по ту сторону реки, на обрыве холма, господствующего над городом и рекой. Чтобы попасть туда, нам пришлось переехать реку на пароме. Большой мост был разрушен, и над его восстановлением работали сейчас подводники.

Мы поднялись кривыми улицами на холм, пересекли парк и подошли к замку. Некогда это была грозная крепость, теперь же остались только черные руины, заросшие кустарником и травой, обиталище бесчисленного множества ящериц. Сохранилась часть стены с воротами, над которыми был высечен из камня щит с гербом: протянутая рука держит меч. От громадного зала, где в былые времена пировала шляхта, сохранился один угол с торчащими во все стороны железными прутьями. Своды обвалились и превратились в груды камней, покрытых мхом и лишайником. Полностью уцелела только одна большая башня, стоящая возле самого обрыва. Некогда из ее черных амбразур во все стороны грозно торчали жерла пушек. Теперь у нее был самый мирный вид: снизу сплошь увивал плющ, в амбразурах поселились голуби, а верхушка была облеплена гнездами ласточек. Когда мы вечером сидели у подножия башни, они носились над нашими головами, наполняя воздух своим щебетанием.

Мне было грустно. Живо представлялось, как здесь, быть может, на этой самой скамейке, сидели юные разведчики, обсуждая важные и рискованные операции. Над ними так же носились ласточки, внизу так же блестела река... А потом их казнили...

– Что вы, Сережа, все молчите? – спросила Татьяна. – Вам скучно?

– Мне не скучно, а грустно.

– Что так?

– Я думаю о юных героях, которые сидели здесь, как мы сейчас сидим, а потом были схвачены и замучены в тюрьме.

– Ну, если вам здесь скучно, идемте в парк.

– Не стоит – далеко. Лучше посидим здесь.

– Да что с вами сегодня? Развалины, что ли, на вас так действуют?

– Что ж, возможно... Руины всегда наводят уныние.

– Интересно было бы залезть в эту башню, – сказала вдруг Татьяна. – Может быть, там старинные вещи спрятаны. Представляете – оружие, рыцарские доспехи, манускрипты с печатями... А вдруг там скелеты на цепях сидят!

– Едва ли! – засмеялся я. – Ну, давайте посмотрим.

Мы обошли башню кругом. Я надеялся отыскать какой-нибудь вход, окно или спуск в подвал, но ничего не нашел. Дверь была уже давно заложена кирпичом, до бойниц нельзя было добраться, каменный цоколь башни был везде целехонек. Но вот с одной стороны, как раз против ворот, мы обнаружили невысоко над землей амбразуру. Она предназначалась, очевидно, для низового боя в случае штурма ворот. Плющ в этом месте так разросся, что амбразуру почти невозможно было разглядеть даже вблизи. Я попробовал взобраться и сорвался. Татьяна хохотала до упаду, глядя на мою неловкость.

– Где уж вам! – заявила она. – Придется, видно, мне самой попробовать... Подсадите меня.

Я ее подсадил. Она ухватила за стебли плюща и, опираясь на небольшие выступы камней, с удивительной ловкостью стала карабкаться вверх. Через минуту она была уже в амбразуре.

– Здесь темно, ничего не видно, – услышал я ее голос. – Щель совсем узкая, голова не проходит, и воздух тяжелый... А! Нашла расческу... Какая забавная!

– Ну, так ищите дальше. Может быть, найдете зеркальце и пудреницу, – сострил я.

– Нет. Ничего больше нет... Ловите!

В воздухе мелькнуло что-то желтое, и в моих руках очутилась расческа. Какое удивительное совпадение! Она чрезвычайно напоминала мне ту, которую я увидел в бумажнике корреспондента Коломийцева. Такой же формы, как изогнутая рыбка, такого же цвета – золотистого, переходящего в матово-белый.

– Что вас поражает? – спросила Татьяна, заметив мое недоумение.

– Скажите, Таня, видели ли вы где-нибудь такую расческу?

– Нет, никогда не видела, нигде. А что?

– Так, совпадение... Я недавно видел такую же у одного корреспондента.

– Может быть, он ее здесь потерял?.. Впрочем, нет, не может быть: она была завернута в бумажку и лежала под камнем.

– Интересно, давно ли она здесь находится? На вид – как новенькая. А где же бумажка? Это не газета? По газете мы бы сразу догадались.

– Я ее бросила. Нет, не газета, просто страничка из тетради... Я вижу, вам нравится эта расческа, Сережа, – продолжала Татьяна, видя, с каким вниманием я рассматриваю находку. – Хорошо, я дарю ее вам! Довольны?

Я и в самом деле был доволен подарком и спрятал его в карман.

Скоро завывание сирены известило, что подошел катер. Мы сошли вниз, купили билеты и сели на корме судна.

Уже спустились сумерки, когда катер отчалил. Пристань с развевающимся флагом, ряды белых домиков под черепичными крышами, длинные каменные заборы, ограждающие сады, – все постепенно стало уменьшаться и скоро утонуло в вечерней мгле. Только черная башня долго еще маячила на светлом фоне вечернего неба. Двигатель монотонно стучал. Расходящиеся из-под кормы веером волны казались неподвижными складками на поверхности воды. В них красными бликами отражалось заходящее солнце. Мало-помалу сумерки уступили место темноте, и, когда мы подходили к заводской пристани, у берегов реки уже горели красные и зеленые огни бакенов.

Глава IV. Прогулка к заброшенному укреплению

Через несколько дней мы предприняли настоящее путешествие вверх по реке. Подбила нас на эту прогулку наша новая знакомая, Анечка Шидловская. Это была худенькая черненькая девушка, на первый взгляд очень скромная, а на самом деле довольно бойкая.

Ей было скучно, и она постоянно вертелась около Татьяны, надоедая различными проехтами прогулок.

На этот раз она прельстила нас развалинами старинной крепости, которую будто бы видела собственными глазами недалеко от берега реки. Это было заманчиво, хотя и маловероятно. «Если даже никаких развалин мы не найдем, – подумал я, – большой беды не будет. Погуляем и назад вернемся».

Я достал у рыбака лодку. Мы запаслись большой корзиной с едой, захватили медный чайник, ножи, вилки, кружки, взяли фотоаппарат. Не забыли также бидона с молодым молдавским вином. Словом, экспедиция была снаряжена на славу. Покуда собирались, прошло много времени, и мы тронулись в путь только часов в десять. Анечка села за руль, а мы с Татьяной чередовались на веслах. Утро было тихое, ясное и нежаркое. Река спокойно текла в крутых берегах, сложенных из белого известкового камня и сплошь поросших лесом. Деревья стояли стеной и так близко к обрыву, что их корни торчали над водой, сплетаясь в густую сетку. Тишину нарушали только всплески весел нашей лодки да крики многочисленных птиц, которые то и дело вылетали из зарослей и проносились над водой с берега на берег. Плыть было легко и приятно, особенно сначала, пока мы не устали и пока нам не надоело однообразие ландшафта. Так прошло более двух часов, а старинной крепости не было и в помине. Анечку это нисколько не смущало. Она посматривала кругом и утешающе кивала головой, давая понять, что все в порядке. Но вот берега отступили, река разлилась, и в середине ее открылся небольшой песчаный островок, поросший кустарником. Мы решили, что пора подумать об отдыхе и подкрепиться, и причалили к островку. Живо набрали валежника, развели костер, вскипятили чай и начали завтракать. Утка, консервы, варенье, фрукты – все пошло в дело, и корзина очень скоро сделалась совсем легкой, а в бидоне вина осталось на доньшке. Потом мы отдыхали, лежа на песке, купались, фотографировались, опять пили чай, опять купались – словом, когда собрались ехать дальше, было уже около четырех часов. Татьяна предложила было вернуться домой, но Анечка запротестовала. Она уверяла, что старинная крепость совсем рядом.

...Еще час работы веслами, и вот река делает крутой поворот около высокого темного утеса. Анечка вглядывается в очертания берега и кричит:

– Здесь! Вот здесь!.. Сюда надо, сюда!..

Она направляет лодку к левому берегу, и мы видим несколько вбитых в дно свай, скрепленных железными скобами, – место бывшего причала. Однако ничего похожего на замок или крепость не видно.

– Терпение! – говорит Анечка и храбро ведет нас по заброшенной дороге. Видно, что она здесь действительно бывала.

Дорога постепенно исчезает, и вот мы уже идем среди леса по едва приметной тропинке. Анечка, видимо, сбилась с пути, но она не сдаётся.

– И здесь можно пройти, – говорит она уверенно. Но тропинка потеряна. Начинается блуждание по лесу наугад, среди валежника, пней, канав и ям... Вдруг впереди лес редее, и мы слышим торжествующий Анечкин голос:

– Скорее! Сюда!.. Что я говорила?!

Мы выбегаем на широкую просеку и видим невдалеке какое-то сооружение, заваленное кучами белого мусора. Это в самом деле развалины крепости, только не старинной, а современной. Мы подходим к не достроенному фашистами долговременному укреплению. Кругом

окопы, размытые дождем и поросшие травой, глубокие котлованы с заложенными в них фундаментами, бетонные плиты, позеленевшие от времени, стальные, бурые от ржавчины колпаки, горы железобетонных балок, штабеля бревен, бочки с цементом, окаменевшим от сырости, рельсы, проволока, доски. Видимо, фашисты в панике бросили все и бежали без оглядки.

Мы, конечно, сейчас же пробрались внутрь укрепления, в подземные казематы с низкими потолками, оттуда по темным коридорам и лестницам поднялись в оружейные башни и пулеметные гнезда со щелями, обращенными в сторону леса, и наконец выбрались на крышу укрепления. Отсюда можно было обозреть восточную половину леса и небольшую часть береговой линии. Были хорошо видны три сходящиеся под углом просеки и лесные тропинки, выходящие между траншеями. Далее до самых пестрых холмов тянулся сплошной лес. Я невольно залюбовался открывшейся передо мной панорамой.

– Там кто-то идет, – сказала Анечка. – Вон! Смотрите!

Вдоль просеки по направлению к нам не шел, а бежал какой-то человек в сапогах и куртке, с ружьем в руке. По-видимому, это был сторож. Он махал руками и что-то кричал, но что именно, я не мог разобрать.

– Он кричит: чего-то нельзя... Здесь ходить нельзя, – сказала Татьяна.

– Вот еще, – возразила Анечка. – Что это, настоящее укрепление, что ли?.. А если нельзя, так надо часовых ставить.

Мы продолжали демонстративно сидеть наверху. Но тут ветер подул в нашу сторону, и я расслышал нечто иное.

– Минировано!.. Мины там!.. Нельзя!.. – кричал сторож.

Это было совершенно другое дело. Мы вдруг притихли и осторожно полезли прежним путем вниз. К нам подбежал запыхавшийся сторож:

– Нельзя здесь гулять, товарищи! Здесь могут быть мины. Прошу уйти... Взорветесь – кто отвечать будет? Прошу!

Я посмотрел на Анечку, но она сохраняла независимый вид.

– Какая ерунда! – сказала она. – Саперы давно все разминировали. Столько времени прошло!

– Вот то-то и есть, что не все... Недавно моя собака погналась за зайцем и налетела на мину – одни клочья остались. Вот ежели лагерь хотите посмотреть – извольте, это можно, я провожу.

– Какой лагерь? – спросил я.

– Лагерь военнопленных, фашистский. Заключенные там жили. Всего три километра отсюда будет. А здесь оставаться нельзя. Я за вас отвечать не хочу.

– Нет, не стоит смотреть лагерь, – сказала Татьяна, – уже поздно. Лучше здесь отдохнем и поедем домой.

Идти туда, конечно, не стоило – все и без того очень устали. Мы выбрали удобное местечко на бревнах и принялись опустошать корзину. Угостили и сторожа, чтобы смягчить его нрав. Теперь я мог его рассмотреть. Это был человек средних лет, неряшливо одетый, обросший и грязный, с угрюмым выражением лица. Сидя в стороне, он закусывал, ни на кого не глядя, потом вынул трубку и закурил. Я стал расспрашивать его про лагерь. Он отвечал с видимой неохотой.

– Там ведь жили рабочие пленные – вот те, что строили это укрепление. А жили они известно как: хуже последнего скота. Потом, когда стали отступать, фашисты бросили работу и всех, кто остался, увезли в Германию. Тут строгость была, никого сюда не пускали, кругом колючая проволока да мины. Часовые везде, собаки. Разве что крестьяне лес привозили, а так никого не пускали.

Я взглянул на штабеля прекрасных бревен и подивился аккуратности немцев: каждое бревно было занумеровано с торца черной краской. Но вот что удивительно: номера были

только однозначные либо двузначные, часто повторялись и стояли в беспорядке. Числа эти до странности походили на те, которые я видел на стене тюремной камеры. Что это – случайность, простое совпадение или же... Их надо списать! Во что бы то ни стало! Но как? У меня не было ни карандаша, ни бумаги, а главное, я не хотел списывать их у всех на глазах. Тогда мне пришла в голову замечательная мысль: штабели можно сфотографировать под видом фотографирования моих спутниц. Я усадил девушек на бревна, но так, чтобы их ноги не закрывали чисел, и сфотографировал сначала один штабель, а затем другой под предлогом, что первый был плохо освещен. Теперь все было в порядке, и мы пошли домой. Правда, я заметил еще несколько штабелей с числами, но фотографировать их не решился.

Сторож повел нас по просеке, потом по дороге через лес вывел к реке, по берегу которой нам пришлось еще долгое время идти, прежде чем мы добрались до лодки. Это обходное движение заняло добрых два часа, и, когда мы уселись в лодку и отчалили, было совсем темно. Домой мы добрались после полуночи. Хозяева уже начали о нас беспокоиться.

Несмотря на усталость, я спать не лег, а занялся проявлением фотоснимков.

Фотографии вышли неважные. Девушкам я их даже не показал, сказав, что снимки не удались. Кстати, нечего было бы и смотреть, так как на фото вышли только одни ноги.

Улучив время, когда мне никто не мог помешать, я занялся изучением цифровых надписей. В юности я интересовался этим делом. Мне были известны всевозможные способы тайнописи, применявшиеся в старину, так называемые «литореи», и методы зашифровки, употребляемые в наше время. Надеюсь на свой опыт, я рассчитывал разобраться и в этих надписях, так как материала было достаточно. У меня сохранился и клочок обоев с записью чисел тюремной камеры. Вот что там было:

17 15 11 12 3 16 37 13 12 48 10 28 24 37
9 40 16 5 7 21 17 31 41 35 22 1 14 45
4 26 36 2 10 21 7 10 4 44 17 40 30 21
34 20 52 50 3 2 49 35 7 50 45 10 2 5
20 48 12

И в другом месте:

35 15 8 17 24 1 2 31 11 50 10 48 41 43 31 1
49 40 43 48 45 35 21 3 4 13 22 48 5 27 7 1
11 12 10 23 36 50 40 48 5 43 34 37 7 41 22
51 49 43 26 4 3 12 44 43 47 27 45 35 2 25 23
12 52 35 3 2 36 2 23 21 24 33 52 49 50
13 43 3 50 11 20

На фотокарточках были сняты штабеля леса, сложенные из пяти рядов бревен, по шести штук в каждом. С помощью лупы я разобрал цифры на первом штабеле:

4 3 35 13 25 50
10 11 29 23 40 41
35 22 4 26 16 33
15 6 24 49 31 17
44 6 36 20 48 12

И на втором:

25 35 48 10 50 29
40 2 33 3 30 5
43 7 48 12 36 6
15 4 48 24 17 31

50 18–20 48 12

Сразу обнаружилось, что все надписи сделаны одним и тем же шифром, но я понял, что мне едва ли удастся их расшифровать. Предположить, что каждая буква обозначается одним определенным числом, было невозможно. В русском алфавите всего тридцать две буквы, включая ъ, э и й, а в зашифрованных надписях – сорок девять различных чисел, от 1 до 52, исключая три числа: 38, 39 и 46.

Если бы количество встречающихся в зашифрованном тексте различных чисел соответствовало числу букв алфавита, естественно было бы думать, что здесь имеет место простая секретная азбука, где каждая буква обозначается одним определенным числом. Такой шифр разгадать нетрудно. Достаточно было бы подсчитать, как часто в тексте встречаются те или иные числа, и сопоставить результаты подсчета со статистикой повторяемости букв в русском языке. Но здесь этот метод был неприменим – различных чисел было по крайней мере в полтора раза больше, чем букв в русском словаре. Очевидно, шифр был какого-то другого типа, и разгадать его мне оказалось не под силу.

Единственно, до чего я додумался, было следующее: каждая надпись, полностью списанная, оканчивалась одинаково тремя числами – 20, 48, 12, что напоминало какую-то подпись. Я вспомнил, что тайное общество именовало себя «Юные разведчики-патриоты», и предположил, что эти числа означают «ЮРП». Это было довольно вероятно, но противоречило моей прежней догадке, что числа не обозначают букв.

Я ломал голову над этой задачей целый день без всякого результата и наконец понял, что орешек этот мне не по зубам.

Глава V. Смерть в заброшенном карьере

Мне пришло в голову, что полезно было бы посетить семью Сердобиных и побеседовать с матерью Толи, а может быть, и с самим Иваном Ивановичем, если только психическое состояние его позволит это сделать. У них могли остаться какие-нибудь записки или материалы, которые помогли бы расшифровать надписи.

На другой день я взял все свои записи и отправился к Сердобиным. Они жили в старом заводском поселке, по другую сторону завода.

Их маленький деревянный домик, заросший со всех сторон полынью и крапивой, стоял на самом краю поселка, возле оврага. Я постучал. Мне открыла дверь высокая пожилая женщина, гладко причесанная, с бледным и серьезным лицом. За ней стоял красивый мальчик лет шестнадцати – видимо, ее сын. Это были мать Толи Ксения Васильевна и его младший брат Петя. В домике было чисто и опрятно. Чувствовалось, что семья Сердобиных не испытывает материальной нужды (они получали за погибшего сына-героя большую пенсию), но в доме царила печаль: ни мать, ни сын за все время разговора ни разу не улыбнулись.

Я представился и объяснил цель прихода. Мне хотелось бы знать, не осталось ли после Толи (я хотел сказать: «после покойного Толи», но удержался) каких-нибудь записей, дневников или еще чего-нибудь, что помогло бы мне разобраться в некоторых очень важных вопросах. Может быть, остались тетради, клочки бумаги? Я буду благодарен за малейшее указание. Мать стояла, опустил глаза.

– Нет, ничего не сохранилось, – ответила она наконец голосом, в котором звучала враждебная нотка. – Все тогда забрали. А что осталось, так мы после сами уничтожили... Может быть, у Пети что есть?

– У меня ничего нет, – сказал Петя.

– Может быть, вам что-нибудь разъяснил бы Иван Иванович, сейчас он лучше себя чувствует, да вот уже второй день, как его нет дома. Не знаю, что и подумать! Никогда раньше этого не случалось... Зайдите как-нибудь в другое время.

Мне стало неловко. Я извинился за причиненное беспокойство и откланялся.

В это время стукнула калитка, снаружи послышались голоса, и в комнату вошли и оставались в нерешительности несколько человек.

– Что такое? Что случилось? – спросила Ксения Васильевна, со страхом глядя на вошедших.

Те молчали.

– Где Иван Иванович?

– Вы только не волнуйтесь, Ксения Васильевна, – наконец сказал один из них. – Ивана Ивановича нашли в старом карьере... Упал, значит, и разбился.

– До смерти?

– Да, уже скончался...

Бледное лицо несчастной женщины стало блее стены. Она сорвалась с места, схватила платок и, не глядя ни на кого, выбежала из дому. Все, в том числе и я, пошли за ней. Петя побежал вперед.

Примерно в полукилометре от поселка был старый карьер, из которого уже давно выбрали весь годный мергель. Теперь разрабатывались другие участки залежи, а здесь местность даже не освещалась по ночам.

Мы спустились по заброшенной узкоколейке в карьер. В стороне, возле самого обрыва, стояли две машины и около них – кучка людей. Среди них я заметил двух милиционеров и одного военного в форме Министерства госбезопасности, с погонами майора. Перед нами рас-

ступились, и я увидел на земле человека с неестественно раскинутыми руками, в рваном и грязном костюме. Вся голова его и лицо были сплошь залиты кровью.

– Экая беда! – сказал кто-то из толпы. – И как это не догадались огородить карьер или хотя бы фонари поставить? Сейчас ночи темные. Тут и здоровый человек сорваться может, не то что сумасшедший.

Я вспомнил, как ловко Сердобин соскочил с лесов, и подумал, что едва ли он мог нечаянно свалиться.

– Едва ли он свалился нечаянно, – сказал я. – С лесов он чрезвычайно ловко соскочил. Мне думается, сам бросился.

– И то может быть... Сумасшедшему что в голову не взбредет. Может, здесь и самоубийство, – согласился говоривший.

Майор взглянул на меня, подошел и протянул руку.

– Здравствуйте, товарищ Зернин, – сказал он, чуть улыбнувшись. – Узнаете?

Передо мной стоял бывший начальник спецотдела нашего института Рожков. Я сразу узнал его, хотя не видел несколько лет: он служил у нас перед войной, а потом уехал на фронт.

– Узнаю, товарищ Рожков. Здравствуйте! Вот не ожидал вас встретить! Вы теперь здесь работаете?

– Как видите. Уполномоченным по району... Очень рад возобновить с вами знакомство. Я-то вас отлично помню. Вы что же, приехали сюда на завод?

– Да. Получил назначение. Но к работе еще не приступил. Гуляю пока. Решил провести здесь отпуск.

– Что же, прекрасно. – Майор отвел меня немного в сторону. – Скажите, – продолжал он, – вы, я слышал, имели случай встречаться с этим погибшим. И даже будто бы боролись с ним?

– Да, представьте! Он напал на меня ночью. Должно быть, принял за кого-то другого. Я еле отбился... Несчастный человек!

– Если вы свободны, – сказал Рожков, помолчав, – то я просил бы вас уделить мне немного времени. Надо порасспросить вас обо всем этом как следует. Словом, нужны ваши показания. Едемте! Тут недалеко.

Мы сели в машину и через четверть часа уже были в городе, у здания управления. Майор провел меня в свой кабинет, предложил кресло, а сам сел за письменный стол.

Некоторое время он сидел молча, подперши руками голову. Теперь я мог лучше его разглядеть. Он заметно возмужал, пожалуй, постарел с того времени, как я его видел в последний раз, и казался старше своих тридцати пяти лет. Чисто выбритое лицо, загорелое и обветренное, носило следы усталости. Серые глаза из-под густых, сросшихся у переносицы бровей теперь глядели строго и даже сурово, но на губах по-прежнему часто появлялась едва заметная улыбка.

– Ну, рассказывайте, что с вами случилось, – сказал он, подняв на меня глаза.

Я подробно рассказал о своем ночном приключении со стариком Сердобиним. Упомянул и про бессмысленную фразу, которую безумец несколько раз выкрикивал, майор слушал внимательно.

– Это вовсе не бредовая фантазия, как можно думать, – сказал он помолчав. – Эта фраза, возможно, имеет серьезное, очень серьезное значение. Ее кричал на всю площадь его сын Толя в последний момент, стоя под виселицей с петлей на шее. Понятно, что несчастный отец, на глазах у которого все это происходило, запомнил его слова и хоть и не понял их смысла, но повторял в припадке сумасшествия. Ну-с, теперь о другом. Я вот что хочу вам предложить... Вы видели младшего сына Сердобина, Петю?

– Видел.

– Так вот, у нас создалось впечатление, что этот Петя знает тайну, касающуюся одного важного обстоятельства, – умолчу пока о нем, – знает и не говорит. Почему? Вернее всего, потому, что боится. Если это так, если это действительно так, то он находится в опасности, и ему грозит участь его отца.

– Самоубийство?

– Какое там самоубийство! Иван Иванович Сердобин убит, а не покончил с собой.

– Убит?!

– Разумеется. Его заманили ночью к карьеру и сбросили. Он боролся. Ссадина на руке, оторванный рукав пиджака свидетельствуют об этом. Его кепка валялась наверху, в стороне. Трудно предположить, что он сам бросил ее перед самоубийством... Он убит. Только об этом не следует никому говорить. Пусть распространится весть о самоубийстве. Понимаете?

– Буду молчать.

– Верю. Так вот, постарайтесь войти в доверие к мальчику. Может быть, он вам что-нибудь и откроет. Замечайте, куда он ходит, с кем встречается. Здесь малейшее указание может принести нам громадную пользу.

– В чем же дело? – спросил я. – Чем может быть интересен мальчик из бедной семьи этим бандитам?

– Это не простые бандиты. Здесь дело куда более важное – политическое. Слыхали ли вы про организацию юных разведчиков-патриотов, которая действовала здесь при фашистах?

– Слышал. А вы знаете, майор, что у них была своя азбука, свой цифровой шифр, с помощью которого они общались? Мне сказал Краевский.

– Да, была. Об этом нам известно. Надписи делались углем или мелом на заборах и в других местах, а то и просто на земле. Только от них почти ничего не сохранилось.

– А я списал довольно много надписей. В гостинице, потом еще в другом месте...

– В гостинице?

– Да... то есть в гестапо. В последней маленькой камере смертников. Цифры были написаны под нарами. А когда эти нары сломали, я увидел и списал... частично.

– Где еще?

– Еще на бревнах возле недостроенного укрепления. Знаете? Мы ездили туда гулять...

– У вас с собой эти записи?

– Да, здесь, с собой. Я захватил их, когда шел к Сердобинным.

– Давайте посмотрим.

Глава VI. ТАЙНА ШИФРОВАННЫХ ЗАПИСЕЙ

Мы разложили зашифрованные записи на столе и начали их изучать.

– Конечно, – сказал майор, – здесь не может быть речи о простой секретной азбуке. Здесь сорок девять различных чисел при тридцати двух буквах алфавита. С другой стороны, это не обычное зашифрованное с помощью шифровальных таблиц и условного пароля письмо. Тогда бы не могли встречаться так часто одинаковые числа. Да такой способ для юных патриотов и не годился бы. Сообщать пароль друг другу в условиях строгой конспирации очень трудно, а хранить шифровальную таблицу крайне опасно. Им нужен был какой-нибудь более простой способ. Расчет был на то, что враги просто не обратят внимания на записи и не будут их расшифровывать. Например, возможен такой метод, – продолжал Рожков. – Буква обозначается ее порядковым номером в отдельном отрывке хорошо известной книги или, что еще лучше, в определенной условной фразе, которая нигде не записывается, а выучивается наизусть. Тогда буквы, встречающиеся в этой фразе один раз, будут обозначаться только одним числом, а другие – несколькими. Это затрудняет расшифровку, особенно если материала недостаточно. Итак, в нашем случае, чтобы расшифровать надписи, надо знать секретную фразу – ключ. И мы, думаю, ее знаем... Вы помните, что кричал старик Сердобин?

– Это про Эфесское царство? Помню.

– Точно?

– Точно.

– Тогда диктуйте.

Я стал диктовать. Он писал за мной букву за буквой, подставляя под каждую порядковый номер. Вот что получилось:

Ямогучийбеспощадный

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19

юношавождьзахватил

20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37

Эфесскоецарство

38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52

– Теперь давайте попробуем разобраться в документах, – сказал Рожков.

Помню, с каким трепетом разложили мы на столе исписанные цифрами листочки бумаги и стали их расшифровывать. Успех был полный. Числа первого штабеля, сфотографированного мною, означали:

«Готовьтесь шестого два часа ночи. ЮРП».

Надпись второго штабеля мы расшифровали так:

«В третьем возу кирпича – гранаты. ЮРП».

– Великолпно! – воскликнул Рожков. – Догадка наша оправдалась... Я и раньше подозревал, что эта на первый взгляд бессмыслица имеет значение ключа, но у меня не было материала, чтобы проверить свою догадку. Заметьте, Сергей Михайлович: в одной короткой фразе заключены все буквы алфавита. Буква «а» может быть показана пятью различными числами, а буква «о» – шестью. Именно: тремя, тринадцатью, двадцатью двумя, двадцатью шестью, сорока четырьмя и, наконец, пятьюдесятью двумя. Очень остроумно! И фраза легко запоминается, и вместе с тем кажется глупой болтовней. Итак, мы знаем теперь секрет шифра юных разведчиков. Они сообщают кому-то из заключенных в лагере, очевидно своему сообщнику, что доставлено оружие и что шестого числа в два часа ночи надо ждать какого-то события. Здесь дело

идет о следующем, – пояснил Рожков. – Весной девятьсот сорок четвертого года наш партизанский отряд готовился напасть на этот лагерь с целью освобождения военнопленных; наладить связь с заключенными было поручено ЮРП. И они это, как видите, блестяще выполнили таким необычайным способом, воспользовавшись тем, что кирпич и бревна строительству доставлялись крестьянами. Только нападение не состоялось. Партизаны не получили условного сигнала. Заговор был раскрыт в последнюю минуту. Многих из числа юных патриотов тогда арестовали, и среди них Толю Сердобина. Несомненно, их кто-то предал. Все это было известно нам раньше. Вы говорите, там, у неоконченного укрепления, были еще и другие штабеля леса с цифрами? – вернулся к прерванному разговору Рожков.

– Да, я заметил еще несколько.

– Их надо обязательно списать и расшифровать, может быть, найдем что-нибудь новое...

Ну, теперь обратимся к надписям на стенах тюрьмы.

Первая надпись гласила:

«Нас подло предал Бедуин. Настоящего имени его не знаю. Отомстите ему. ЮРП».

«Вот и имя предателя. Наконец-то мы его узнали! Правда, пока не настоящее имя, а прозвище, конспиративную кличку, но это уже шаг вперед. Вот почему сумасшедший старик с такой ненавистью произносил его. Вот почему он набросился на меня, когда в его больном воображении встал образ предателя... Но мы найдем тебя, Бедуин, если ты только на этом свете, и отомстим за все».

Так думал я, глядя на две строчки, таинственным образом теперь воскресшие. Я взглянул на Рожкова. Лицо его было суровое. Видимо, он думал то же самое.

– Что еще есть у вас? – спросил он, прервав размышление.

Я передал ему последнюю запись. Первые же слова, прочитанные нами, возбудили живейшее любопытство. Скоро мы поняли, что имеем дело с сообщением величайшей важности. После расшифровки перед нами лежал документ следующего содержания:

«Тайная мастерская секретного оружия. Спешите! Рука Лисовского покажет. МВШ. Потом ИМШ на восток отсю...»

– А дальше что? – спросил майор.

– Дальше я не списал – не успел. Но все надписи на стенах тюрьмы были сфотографированы. Они хранятся в горкоме. Мне так сказали.

– Они у нас хранятся, а не в комитете партии, хотя фотографировали не мы. Но я что-то не помню, чтобы там были зашифровки. Сейчас посмотрим.

Майор взял трубку внутреннего телефона и приказал принести альбом снимков помещений гестапо, сделанных вскоре после освобождения города от фашистов.

– Возможно, это как раз то, что мы ищем, – продолжал он. – Кое-где в иностранной печати проскользнули сообщения, что фашисты оставили где-то на западе Украины секретный завод, но до сей поры никаких следов его мы не обнаружили. Конечно, – продолжал он, еще раз разглядывая надпись, – здесь многое непонятно. Что означает, например, выражение «рука Лисовского»? Что значат таинственные буквы «МВШ» и «ИМШ»? Это пока неизвестно. Но все-таки мы ухватились за конец нити, и есть надежда, что размотаем весь клубок. Посмотрим, что разъяснит дальнейший текст.

Нас ждало горькое разочарование. В толстом альбоме, который очень скоро принес помощник майора, лейтенант Хрулев, мы нашли целую серию снимков здания гестапо снаружи, внутри, издали, вблизи. Нашли снимки канцелярии, коридоров, подвала, камер, снимки стен с надписями, очень хорошо и ясно выполненные. Была снята и последняя, маленькая, камера смертников с убогим столом, жестяным чайником и кружками на нем и с грязными

голыми нарами. На стенах можно было легко разобрать несколько надписей, но нары закрывали нижнюю часть стены, и никаких цифр не было видно.

Майор закрыл альбом и отложил его в сторону.

– Не догадались убрать нары, – сказал он с досадой. – Очень жаль, что вы тогда поторопились и не списали этот важнейший документ до конца. Много там оставалось неопisanного?

– Да строчки две.

– Целые две строчки! Скверно! Боюсь, что ошибка ваша непоправима. Гостиницу уже отремонтировали, и все надписи стерты, – закончил он сухо.

Никогда я не чувствовал себя так неловко. Как можно было допустить такую оплошность! Ведь я отлично знал, что на стене написано нечто важное, почему же я поверил на слово случайному человеку?

Майор глядел на меня и нервно постукивал карандашом по столу.

– Может быть, у вас есть еще какие-нибудь тексты? – спросил он наконец.

– Нет, ничего нет.

– Скверно. Ну что ж, попробуем разрешить задачу, исходя из наличного материала.

Он достал из стола толстую книгу, взял карандаш и углубился в работу.

Утомленный хлопотами и волнениями минувшего дня, я задремал, сидя в кресле. Когда я проснулся, в окно уже глядел рассвет. Майор все так же сидел за столом, заваленным бумагами и освещенным настольной лампой. Три пустых стакана из-под чая стояли на столе. Его лицо в смешанном освещении окна и лампы казалось серым и утомленным. Увидев, что я проснулся, он обернулся ко мне и сказал:

– Вы проспали много интересного, товарищ Зернин. Я разгадал смысл непонятных слов «МВШ» и «ИМШ».

– Что же они значат?

– Здесь указаны числа. Их не надо было расшифровывать. Вот смотрите. У вас написано: 2, 25, 23 и 36, 2, 23. Число 23 означает букву «ш», надо расшифровать. Ее следует понимать как слово «шагов», а первые две цифры дают числа 225 и 362. Стало быть, здесь сообщается, сколько надо сделать шагов по направлению, указанному какой-то «рукой Лисовского». Догадаться было нетрудно. Вот что такое эта «рука» – я так и недодумался. Наводил справки, но пока безрезультатно. Никаких Лисовских за последние двадцать лет ни в городе, ни на заводе, ни в окрестных селах не проживало. Скажите, – внезапно обратился он ко мне, – вы никому не говорили о зашифрованных записях ЮРП?

– Нет, не говорил.

– Никому?

– Никому.

– И никому не писали про это?

– Нет, ничего не писал. И фотоснимков не показывал.

– И не надо сообщать. Теперь вот что: ступайте домой и отдохните. Потом надо будет заняться Петей Сердобиним. Постарайтесь установить, не знает ли он, кто был Бедуин. Скажите ему это слово в разговоре вскользь, как бы случайно, и наблюдайте, не выдаст ли он себя, не смутится ли, не вздрогнет ли. А про «руку Лисовского» лучше вовсе не упоминайте. Так будет осторожнее. Только действуйте крайне осмотрительно. Да помните, что его надо охранять. Он, возможно, находится в опасности.

Я понял, что мое присутствие больше не нужно, и встал, чтобы идти домой. От сна в неудобной позе у меня затекли ноги и руки и голова стала словно свинцовая. Чтобы немножко привести себя в порядок, я подошел к зеркалу и начал причесываться.

– Товарищ Зернин, покажите-ка расческу! – услышал я возглас майора. – Откуда она у вас?

– Мы нашли ее... то есть нашла ее, собственно, Татьяна Пасько и подарила мне.

– Да где же вы ее нашли?

– В старом замке, в башне... в амбразуре башни, которая смотрит в сторону ворот. Она лежала там под камнем, завернутая в бумажку.

Майор молча открыл портфель и достал из него точно такую же расческу. Он наложил их одна на другую: расчески оказались одинаковыми как две капли воды и по величине, и по форме, и по цвету. Только его была испарана и сильно потерта. Он встал со стула и в волнении зашагал по комнате. Потом остановился передо мной и спросил:

– А зачем вы полезли осматривать бойницу?

– Так просто. Я хотел получше осмотреть место, где встречались юные разведчики. На всякий случай...

В глазах майора мелькнула улыбка:

– Вы молодец, Сергей Михайлович! За это я готов простить вам вашу оплошность. Берите расческу, но никому ее не показывайте. Понимаете, никому! Она, может быть, имеет особое, чрезвычайно важное значение. Недаром старик Сердобин ее так тщательно хранил.

– Вы нашли ее у Сердобина? У Ивана Ивановича?

– Да, у него. Вернее, на его мертвом теле. Он носил ее зашитой в подкладке пиджака. Очень интересная вещица.

Мы стали прощаться. Он крепко пожал мне руку и вдруг сказал:

– А знаете что? Оставьте-ка эту расчесочку у меня на хранение. Так спокойнее будет.

– Пожалуйста. Я скажу Татьяне, что потерял ее.

– Нет, так сразу не надо, – засмеялся он. – Скажете, если сама спросит, что дома затерялась и что вы ее поищите... И вообще поменьше о ней вспоминайте.

Я пошел домой, глубоко взволнованный этой ночной беседой.

Глава VII. Встреча на ярмарке

Я попытался сблизиться с Петей. Задача оказалась трудной. Он был необщительным, ни с кем не дружил, спортом не занимался, предпочитал проводить время дома, за книгой. Когда я приходил к Сердобиным, он встречал меня вежливо, но не улыбался, молчал и, видимо, тяготился моим присутствием. Ко мне он не питал доверия, и я просто терялся, не зная, как к нему подойти.

Выручила Анечка. Она предложила отправиться на колхозную ярмарку в село Лановцы. Это большое село находится довольно далеко от завода, в тридцати шести километрах, но с заводом налажено регулярное автобусное сообщение. Во время ярмарки машины отправлялись каждые полчаса. Анечка сама предложила пригласить в эту поездку Петю Сердобина.

– После смерти отца, – сказала она, – он стал таким угрюмым, печальным, его надо развлекать. Возьмем его с собой! Я сама его позову.

«Трудненько будет это сделать», – подумал я, но ошибся.

Петя с радостью принял наше предложение, оживился и быстро собрался в дорогу.

Мы с трудом втиснулись в одну из машин, битком набитую пассажирами, и понеслись по широкому шоссе, обсаженному тополями, мимо наполовину убранных полей, на которых то здесь, то там работали комбайны да ползли, неуклюже покачиваясь, грузовики, отвозящие зерно.

Село Лановцы живописно расположилось по косогору около небольшого озера. Когда мы спускались к нему, нам открылась ярмарка, пестреющая тысячами разноцветных полотнищ – белых, синих, красных и желтых. Все пространство от края села до озера было заставлено палатками, прилавками, возами и автомобилями. Для защиты от горячих лучей солнца повсюду были натянуты полотнища – над каждым возом, машиной или просто сидящим на земле продавцом.

– Как красиво! – воскликнула Татьяна. – Словно цыганский табор.

– Или лучше – лагерь бедуинов, – сказал я, внимательно наблюдая за Петей.

Ничего, никакого впечатления: он не вздрогнул, не изменился в лице, даже не обернулся.

Автомобиль остановился у края села. Мы вылезли и через минуту уже ходили среди возов, доверху наполненных огурцами, зеленым перцем и кукурузой, около ароматных дынь и арбузов, кучами разложенных на подстилках, мимо торговки яйцами, курами, беспомощно лежащими в пыли со связанными лапками, мимо гусей, вытягивающих из кошелок длинные шеи, мимо хрюкающих свиней, визжащих поросят. Осторожно обходили расставленную на земле глиняную посуду, разукрашенную яркими разводами всех цветов. Толкались среди продавцов незатейливых игрушек – кукол, кошечек, дудок и свистулек. Всюду толпился народ, кричал, спорил, торговался. Слышалась украинская речь вперемежку с русской.

Торговля с возов нас мало интересовала, и мы направились к палаткам. Там на прилавках лежали свежий хлеб, куски желтоватого украинского сала, белый творог в деревянных мисках, завернутое в лопух масло, мед, над которым кружились рои пчел, молодое вино в больших стеклянных графинах, вяленая и копченая рыба, листовый табак. И дальше целые горы ярко-красных помидоров, синих баклажан, яблок, слив и винограда различных сортов и оттенков. Мы купили его несколько килограммов и, пройдя мимо палаток с мануфактурой, готовым платьем и поношенной одеждой, спустились к озеру.

Анечке обязательно захотелось посидеть у самой воды, где, по ее мнению, было прохладнее. Петя остался с ней. Мы же с Татьяной поднялись в рощу и расположились в тени деревьев. Недалеко стоял киоск, где продавали мороженое. Купив несколько порций очень вкусного пломбира с орехами, мы стали его уничтожать.

Наши спутники, посидев немного на самом солнцепеке, присоединились к нам.

– Э! Да они едят мороженое! – воскликнула Анечка. – Какое чудесное! С орехами?.. Где вы его достали?

– А вон у того бедуина в киоске. – Я указал на смуглого продавца, и в самом деле похожего на араба.

Петя побежал покупать мороженое. Ни удивления, ни смущения не отразилось на его лице и на этот раз.

– При чем тут бедуины? – заметила Татьяна недовольным голосом. – Что они вам сегодня дались, Сережа?

«Он не знает тайного смысла слова “бедуин”, – подумал я. – Своими глупыми замечаниями я только выставляю себя в смешном виде».

Солнце пекло нестерпимо. От воды веяло прохладой. Мы поддались искушению и решили искупаться. Девушки пошли на женский пляж, Петя побежал на мужской. Я собирался последовать его примеру, когда меня кто-то окликнул. Обернувшись, я увидел, к своему удивлению, майора Рожкова. Он был в поношенном штатском костюме, стоптанных ботинках и без фуражки. В руках у него был сверток.

Он сделал мне глазами знак и зашел за пустую палатку.

– Вот, полюбуйтесь, Сергей Михайлович, на мою покупку, – сказал он тихо. – Как вам нравится?

Я развернул сверток и увидел прекрасный большой, совсем новый прорезиненный плащ серо-зеленого цвета, видимо, дорогой. Только пуговицы на нем были дешевые – обыкновенные, плоские, черного цвета.

– Что такое? – спросил я. – Откуда, Андрей Матвеевич, у вас этот плащ?

– Купил я его в магазине случайных вещей. Прекрасная, совсем новая вещь киевской фабрики. Что вы в нем находите особенного?

– Пуговицы! Они не от этого плаща.

– Правильно. Они куплены здесь, на базаре, только недавно пришиты, и притом неопытной рукой. Старые отпороты, что видно по остаткам ниток... Тсс! – неожиданно прервал он свою речь. – Вам надо уйти... После увидимся. Когда нужно будет, извещу вас. Я предлагал вам пальто...

Я обернулся и недалеко от себя увидел Петю. Его тревожный взгляд был устремлен, однако, не на меня и не на майора, а на плащ, который тот держал передо мной развернутым. Я подошел к мальчику.

– Кто это? – спросил он.

– Не знаю... Так... Предлагал плащ, да он мне не нужен, – ответил я, стараясь придать своему голосу равнодушный тон.

Петя сразу скис. Он не пошел купаться и бродил в одиночку по берегу до тех пор, пока не вернулись с купанья девушки. Потом мы пошли обедать в столовую; потом сидели в тени дерева и ели виноград. У Анечки от жары и толкотни разболелась голова, и она стала собираться домой. Я было хотел остаться, надеясь встретиться с майором, но потом решил, что благоразумнее будет подчиниться общему решению. Мы сели в автобус и отправились в обратный путь.

Все устали. Разговор не клеился. Анечка жаловалась на головную боль. Петя опять погрузился в угрюмое молчание.

Глава VIII. «Рука Лисовского»

Наша встреча с майором на ярмарке была столь кратковременной, что я не успел узнать от него ничего и не смог сообщить ему о своих разговорах с Петей. Впрочем, мне казалось, что он не придавал бы им большого значения. Гораздо больше мучило меня то обстоятельство, что я до сих пор ничего не сообщил майору о странном сходстве расчески корреспондента Коломийцева с расческой, найденной нами в башне. Правда, полной уверенности в том, что обе расчески совершенно одинаковы, у меня не было, но умолчать об их сходстве я все-таки не имел права. Тогда, ночью, в кабинете майора я подумал об этом, но, увлеченный разгадкой шифра, позабыл сказать. Теперь я ждал вызова майора. Самовольно явиться к нему я не мог, звонить по телефону – тоже, послать письмо боялся. Я проводил время в томительном бездействии. Татьяна заметила это.

– Я вас не узнаю, Сережа, – сказала она. – Вы стали каким-то странным. И не гуляете, и не читаете. Ходите по комнате из угла в угол как маятник. Что с вами случилось? Идемте лучше ловить рыбу бреднем.

Но и рыбная ловля не помогла. Я чувствовал, что в городе совершаются важные события, и всей душой стремился принять в них участие. Я не ошибся. Когда через несколько дней мы встретились с майором, я узнал все, что там произошло в эти дни. Чтобы не нарушать хронологической последовательности, опишу эти события.

Поиски человека с фамилией Лисовский ни к чему не привели. Лицо с такой фамилией не проживало ни в городе, ни в окрестностях ни сейчас, ни при фашистах, ни до войны. Майор оказался в затруднительном положении, а между тем необходимость разгадать выражение «рука Лисовского» он понимал прекрасно.

Вот почему тотчас же по возвращении в город он заехал к Краевскому, который был коренным жителем, чтобы посоветоваться с ним. Их связывала боевая дружба, оба они сражались в партизанских отрядах.

Краевский уже слышал о смерти старика Сердобина, но не знал, что он стал жертвой убийства. Он с интересом выслушал рассказ Рожкова о расшифровке секретного шифра юных разведчиков. Выражение «рука Лисовского» он объяснил так:

– Лисовские – это старинный польский дворянский род, крупные магнаты. Когда-то весь город принадлежал им. Замок в стародавние времена тоже принадлежал Лисовским. На воротах сохранился их герб – рука с мечом. Уж не это ли и есть «рука Лисовского»? – Краевский засмеялся своей догадке.

Однако она была вовсе не так уж фантастична. Старинный замок много веков хранил страшные тайны, почему бы и теперь ему не сохранить еще одну? После ухода немцев его никто как следует не осматривал, там могли быть подвалы, не ведомые никому тайники, подземные ходы...

– Едем, Андрей Матвеевич, – сказал Краевский, вставая. – Нечего терять времени. Необходимо проверить. Чем черт не шутит! Может быть, здесь-то и кроется разгадка всех загадок.

Майор позвонил лейтенанту Хрулеву, приказал ему немедленно прибыть, захватив с собой рулетку, компас и отвес, да позаботиться о лестнице. Потом, не медля ни минуты, все отправились к замку.

Старые каменные ворота были высотой около шести метров. Над самой серединой их был высечен из камня щит шириной метра в полтора и высотой в два метра. На щите в виде барельефа была изображена рука с мечом. Хрулев поднялся по лестнице и опустил отвес сначала от основания руки, потом от конца меча. В землю вбили два колышка. Майор провизировал по ним направление.

– Надо идти на угол вон того дома, – сказал он. – Туда указывает «рука Лисовского»... Мерный шаг человека, – продолжал он, – равен в среднем шестидесяти двум сантиметрам, значит, двести двадцать пять шагов оставят сто сорок метров. Так удобнее будет считать. Идемте, лейтенант...

Они спустились вниз по улице, потом, волоча за собой ленту рулетки, перелезли через забор и остановились на середине двора. Здесь кончились сто сорок метров. Отсюда направились по компасу на восток и скоро вышли к реке. Дальше идти было некуда. Конечная точка находилась в воде.

– Явная чепуха, – сказал майор. – Мы дали большого маху. Наверное, герб этот – не настоящая «рука Лисовского».

– Мы кустарничаем, от этого проку не будет, – согласился Краевский. – Надо обратиться к специалистам, которые разбираются в этих гербах. Андрей Матвеевич, кто, по-твоему, лучше других знает здешние памятники старины?

– Маева, директор музея. Это ее специальность. И она живет здесь уже давно и хорошо знает всю округу.

– Тогда едем в музей!

...Старушка внимательно выслушала необычных посетителей потом сказала:

– Лисовские – старинный шляхетский род, теперь уже вымерший. Они свое происхождение вели от крестоносцев. Тот герб, что высечен на воротах, неполный; там только рука с мечом. Полный герб Лисовских, носящий название «Ронька», такой: на голубом поле щита слева красное пламя, из которого высовывается рука в серебряных латах, держащая серебряный меч. Внизу надпись по-латыни: «Igni et ferro», что значит: «Огнем и мечом». В городе есть несколько таких гербов: два – на кладбище и один – над фонтаном, что на старой площади. Потом есть гербы в бывшем имении Любецкого – на воротах и над конюшней, на старой церкви в селе Лановцы. Был он и на так называемой «Колонне согласия», откуда она стояла.

– Что это такое – «Колонна согласия»? – спросил майор.

– Старинный монумент в память заключения союза между Лисовскими и Заверскими. Каменная колонна с гербами этих двух фамилий.

– Да, да, – вспомнил Краевский, – была такая колонна. Кажется, она давно развалилась.

– Памятник пришел в ветхость, но немцы его восстановили, потом при отступлении сами его взорвали.

– Где же стояла эта колонна? – спросил майор.

– Около дороги Олегово – Дергачи, километрах в шести от села Дергачи – в лесу, на горке.

– Недалеко от немецкого концентрационного лагеря, – пояснил Краевский.

– Это интересно! И сильно она разрушена?

– Да, мало что осталось.

– Очень жаль!.. Может быть, у вас сохранились какие-либо чертежи или фотографии?

– Фотографии, возможно, найдутся.

Маева принесла несколько снимков монумента. На круглом невысоком цоколе возвышалась каменная колонна, на вершине которой красовалась доска в форме щита с гербами на обеих ее сторонах. Фотографии были прекрасные, но на всех них памятник был снят на фоне неба, и это лишало всякой возможности на месте определить направление, куда показывает рука с мечом. Снимки были бесполезны. Майор сказал Маевой:

– Нам нужна такая фотография, где бы колонна была снята вместе с окружающим ландшафтом, и притом так, чтобы герб Лисовского был виден хотя бы частично. Пусть снимок будет плохим, мелким – это не имеет значения.

Отыскать такое фото оказалось делом трудным. Нашли несколько групповых снимков крупного плана. На них была хорошо видна перспектива, зато гербы не вышли. На одном фото, где были сняты фашистская зондеркоманда с автоматами и полицейские в форме, частично

вышел герб, но ландшафт обозначился только верхушками деревьев. Отыскились снимки туристов, военных, землемеров с теодолитами, снимки охотников, увешанных трофеями, в болотных сапогах и с собаками на ремешках, велосипедистов в спортивных костюмах, стоящих возле своих машин, пионеров у костра – все они не подходили. Подняли архив дореволюционных годов. Нашли снимки пикников с самоварами, бутылками и граммофонами, каких-то паломников с котомками, монахов в черных рясах и наконец к концу второго дня в одном из забытых ящичков нашли небольшой снимок экскурсии киевских учителей 1912 года. Перед колонной стояли мужчины в соломенных шляпах, котелках, с тросточками в руках и дамы в забавных длинных платьях. Сверху на снимок попала нижняя часть герба Лисовских – локоть руки в латах. На заднем плане виднелись лес, дорога и вдали какое-то село с колокольней. Это было именно то, что требовалось.

Майор взял эту и еще несколько фотографий и поблагодарил Маеву. Он решил на следующий же день идти попытать счастья к «Колонне согласия».

Глава IX. Неоконченные поиски

Рано утром, чуть только рассвело, меня окликнули. Оказалось, что это лейтенант Хрулев в штатском.

– Вставайте, Сергей Михайлович, майор ждет в машине...

Я оделся и поспешил за ним. На дороге стоял большой открытый автомобиль с поднятым верхом. В нем сидели майор Рожков и Краевский. Поздоровались, я занял место, и машина тронулась. По дороге я рассказал майору о своем разговоре с Петей, о том, что, видимо, ему неизвестно, кто скрывается под кличкой Бедуин.

– Я так и думал, – сказал майор. – Но плащ произвел на него впечатление. Вы заметили?

– Пожалуй, заметил, – удивился я вопросу, – только не понимаю почему.

Майор ничего не сказал.

– Вы знаете, куда мы едем? – спросил он меня после долгого молчания.

– Нет.

– Я хочу попробовать отыскать подземную мастерскую фашистов.

«Попробовать» – в этом слове я слышал деликатный намек на мою непростительную оплошность, когда я так легкомысленно бросил списывать зашифрованную надпись. А теперь камнем на сердце лежал другой грех: я до сих пор ничего не сказал майору о расческе корреспондента. Я твердо решил сообщить ему про нее, как только мы останемся наедине.

Машина быстро неслась по асфальту дороги, еще влажному от утренней росы, то поднимаясь на горку, то спускаясь в лощину. Мы ехали среди зелени, в которой то здесь, то там уже мелькали желтые и красные листья.

Меньше чем через час мы подъехали к реке и переправились на другой ее берег на моторном пароме. Отсюда дорога пошла сквозь лес, все время петляя вверх по косоугору. С обеих сторон плотной стеной стояли деревья. Коренастые дубы с широко раскинувшимися тяжелыми кронами чередовались со стройными кленами и липами.

Но вот лес начал редеть, и машина въехала на гребень. Перед нами открылось широкое пространство. Дорога зигзагами спускалась вниз, огибая невысокие холмы, сплошь заросшие мелколесьем. Слева подымался темный каменный массив. Вдали, у горизонта, белели домики большого селения и торчала колокольня церкви. Ее золоченый купол ярко горел в лучах солнца. Это было село Дергачи. «Колонна согласия», которую мы искали, должна была находиться где-то поблизости, на вершине одного из холмов, по ту или другую сторону дороги. Мы остановили машину и самым внимательным образом осмотрели в бинокли вершины всех окрестных холмов. Ничего сколько-нибудь похожего на камни – только кустарники и бурьян. Спросить не у кого – кругом ни одного человека. Оставалось обследовать каждый холм в отдельности.

Разделившись на две группы – я с Хрулевым, а майор с Краевским, – мы пустились на поиски.

До сих пор не могу забыть этот день. Вооруженные топорами и серпами, которые предусмотрительно захватил майор, мы взбирались по крутым склонам холмов, цепляясь за корни деревьев и ветви кустарников и с трудом прорубая себе дорогу. Достигнув вершины холма, мы осматривали каждый клочок земли и ничего, кроме кустов жимолости и терновника да зарослей полыни и вереска, не находили. Потом шли вперед, в сторону или через дорогу и снова лезли на другой холм – и так, казалось, без конца. Солнце давно уже стояло высоко и безжалостно пекло. Я не успевал вытирать льющийся градом пот. Грязная от пыли рубашка прилипла к телу. Мучила жестокая жажда. Я давно утратил веру в существование этой невидимой колонны и думал, что почтенная старушка Маева ввела нас в заблуждение.

Опять лезем вверх – и опять разочарование. Будет ли этому когда-нибудь конец? Но вот я смотрю на Краевского, и мне становится стыдно. Ковыляя на протезе и не выпуская изо рта трубки, он карабкается по крутым склонам холмов и спокойно обследует каждую пядь вершины.

Была уже середина дня, когда мы с Хрулевым слышали радостные крики. На вершине одного холма, отстоявшего довольно далеко от дороги, стоял Краевский и размахивал фуражкой, поднятой на палке.

– Сюда! Нашли! – кричал он.

Я тотчас побежал на крик, позабыв про жару и усталость. На вершине большого холма среди густой заросли мы увидели то, что осталось от «Колонны согласия». Каменный круглый постамент высотой в полметра и диаметром около трех метров был сложен из больших, плохо отесанных кусков. В середине его примерно на высоту человеческого роста поднимался остаток колонны. Из центра ее торчал ржавый железный прут. Вокруг были разбросаны щебень и куски железа. Нашли и самый герб – толстый железный щит величиной в метр, на котором заржавленная рука держала заржавленный меч. Кое-где виднелись следы голубой краски и серебра. Это было все, что осталось от герба Лисовских, некогда грозного символа их могущества. Кругом все так заросло дубняком и кустарником, что пришлось поработать топором еще целых полчаса, прежде чем мы очистили пространство вокруг монумента.

Майор достал фотографию киевских учителей и, обходя колонну вокруг, без труда нашел то место, откуда был сделан снимок; таким образом, точно определялось положение герба. Ударами топорика выровняли торчащий из колонны прут, между ним и местом, откуда фотографировали учителей, натянули шнурок и перпендикулярно к нему укрепили на пруте рейку. Она и указывала направление «руки Лисовского». Мы снова взялись за топоры и начали прочищать в траве и кустарнике узкую просеку. Стоя за рейкой, Краевский наблюдал за нашей работой, указывая рукой нужное направление. Майор с рулеткой измерял расстояние. Так мы работали добрый час. Спустились по косогору, прошли через молодой кленовый лесок и вышли на небольшую полянку. В конечной точке, на расстоянии ста сорока метров от колонны, вбили в землю столбик. На него положили рейку и ориентировали ее по компасу в направлении запад – восток.

Теперь стали пробивать дорожку тем же порядком на восток, прямо в сторону большой темной скалы. Как я волновался! Как билось мое сердце, когда мы прорубали последние метры просеки! Может быть, недалеко отсюда находится заваленный вход в таинственную мастерскую, или скрытый спуск под землю, или какой-нибудь знак... Двести двадцать пять метров кончались на лужайке у опушки леса, совсем недалеко от берега реки.

Я огляделся. Ничего! Ровно ничего! Пустое место. Ни входа, ни люка, ни столбика – ничего! Одни деревья и кусты. Мы осмотрели все кругом и ничего не нашли. Нет, впрочем, не совсем так.

Хрулев подошел к майору и встревоженно доложил:

– Товарищ командир, недалеко от полянки в неглубоком рву лежат истлевшие трупы. Очевидно, это рабочие, которых фашисты убили, чтобы избавиться от свидетелей секретной стройки. Это в их духе.

...Я стоял возле могилы неизвестных мне страдальцев и думал о звериной жестокости захватчиков и о той ужасной участи, которая постигла бы нашу Родину, если бы доблесть Советской армии и стойкость нашего народа не опрокинули планов фашистов.

Что же дальше? Где теперь искать? Куда направиться? Это оставалось скрытым в тех двух строках цифр, написанных на стене камеры, которыми я так легкомысленно пренебрег.

– Ну что же, – заявил майор, – если мы не знаем, куда дальше идти, нам остается только самым тщательным образом осмотреть всю окрестность.

– А если ничего не найдем? – спросил я.

– Тогда, – ответил за майора Краевский, – мы пригласим сюда геологов-разведчиков и поручим им искать. Пусть они применяют все новейшие достижения науки. Так или иначе, а эта тайная мастерская будет разыскана.

Решили немного отдохнуть и позавтракать. У Краевского в сумке нашлось несколько бутербродов с ветчиной и икрой, у Хрулева – консервы и хлеб. Мы уселись на пенках и стали закусывать всухомятку.

Наступил момент, удобный для объяснения. Я подошел к майору.

– Андрей Матвеевич, я все забываю вам сказать... – тихонько начал я. – Видите ли, такую же расческу, какую нашли у Сердобина и в бойнице башни, я раньше видел у корреспондента Коломийцева, когда он был здесь. Он хранил ее в бумажнике.

– Что же вы мне раньше не сказали?

– Все забывал.

– Такие вещи не забываются. Точь-в-точь такую или очень похожую?

– Не могу сказать, я ее видел мельком, как следует не разглядел.

– Гм... Какого роста Коломийцев?

– Довольно высокого.

– А плаща вы у него не видели?

– Не помню. Какое-то пальто было.

– Он очки носит? Тоже не помните?

– Носит, помню.

– С какими стеклами, сильными или слабыми?

– Не заметил. Очки большие, круглые.

– Теперь все носят только такие.

Он говорил громко, нисколько не щадя моего самолюбия. Хрулев и Краевский все это прекрасно слышали. Я стоял с растерянным видом и не знал, что отвечать. Заметив это, Краевский вмешался в разговор.

– Ты думаешь, Андрей, – спросил он Рожкова, – что это был тот самый плащ? Но возможно ли, чтобы убийца решился продать его, хотя бы и с другими пуговицами? Не безопаснее ли ему было не рисковать, а просто уничтожить эту улику – забросить или закопать?

– Сам он ничего не продавал. Плащ продал сообщник, вернее, помощник. Вы, Сергей Михайлович, – обратился Рожков ко мне обычным спокойным тоном, – еще не знаете истории с плащом. Вот взгляните сюда...

Он вынул из бумажника небольшую карточку и передал мне. Это была цветная фотография пуговицы, по форме похожей на грибок, серо-зеленого цвета, снятой в различных положениях.

– Это пуговица от прорезиненного плаща, – продолжал майор. – Мы нашли ее в карьере, недалеко от тела старика Сердобина. По ниткам видно, что она оторвана недавно. Пуговица отлетела, когда старик боролся с убийцами, а те не заметили этого. Или же заметили, но не решились спуститься вниз и оставили такую важную улику. Находка эта могла бы послужить нам нитью к раскрытию преступления. К сожалению, нить эта оборвалась.

– Оборвалась?

– Да. Я распорядился следить за всеми магазинами, скупающими поношенную одежду, и задержать человека, продающего плащ с такими пуговицами. Рано утром на ярмарке лейтенант Хрулев задержал гражданина, продающего плащ, правда, с другими пуговицами. Тот самый плащ, Сергей Михайлович, что я вам показывал. Помните?

– Помню. И вы думаете, – воскликнул я, – что это был плащ, который носил убийца?

– Похоже на то.

– И продавца задержали, вы говорите?

– Да, задержали, но его пришлось отпустить. Он оказался перекупщиком и сам только что купил плащ у какого-то гражданина. Покуда мы с ним разговаривали, собственник плаща успел уехать на автобусе. Его видели при посадке. Досадно!.. Нить оборвалась. И все-таки плащ сослужил нам службу...

Майор достал из кармана спичечный коробок и вынул из него завернутый в бумажку осколочек стекла.

– Осторожно, не уроните! Это кусочек разбитых очков. Мы нашли его в кармане плаща.

Я и Краевский стали рассматривать стеклышко. Это был совсем маленький осколочек в форме сегмента. По такому крошечному кусочку трудно было судить о номере очков. Во всяком случае, они были очень слабые.

– Очки, кажется, очень слабые, – сказал я.

– Да, – согласился майор. – Я пошлю этот осколок на экспертизу. Там все точно определят.

– Странно! Такие слабые очки, по-моему, никто никогда не носит.

Майор промолчал.

– Так ты думаешь, – спросил его Краевский, – что Коломийцев может быть причастен к этому делу?

Рожков ответил не сразу:

– Про Коломийцева я слышал как про человека хорошо проверенного и вполне надежного. Давно уже работает корреспондентом. На фронте был военкором почти четыре года. Имеет ордена... Все же сегодняшнее показание товарища Зернина насчет расчески заставляет меня навести кое-какие справки, – закончил он сухим, почти официальным тоном.

Я тогда далеко не все понял из этого разговора. Только впоследствии, много времени спустя, я узнал о том, что случилось в селе Лановцы в тот самый день, когда мы были там на ярмарке.

Глава X. Приключение на шоссе

Майор Рожков сразу понял, что имеет дело с опытным преступником, который, заметив, что потерял пуговицу от плаща, постарается от него избавиться тем или иным способом, возможно, путем продажи. Майор организовал наблюдение на базарах и у магазинов скупки старой одежды, чтобы задержать продавца резинового плаща с пуговицами определенного вида, из которых одна была оторвана. Цветной фотографический снимок с этой пуговицы был роздан всем наблюдающим. Майор не питал особой надежды на успех этого предприятия, но и пренебречь им не считал возможным. В село Лановцы, где только что открылась ярмарка, он послал для этой цели своего помощника, лейтенанта Хрулева. На другой день утром, около половины десятого, в один из магазинов, скупающих одежду, зашел гражданин и предложил купить резиновый плащ с простыми черными пуговицами. Продавец был настолько догадлив, что сообщил об этом Хрулеву, который и задержал гражданина, продававшего плащ. Но, как уже известно читателю, этот последний показал, что сам только что купил плащ у незнакомого ему лица здесь же, на базаре. Толково описать наружность владельца плаща он не смог: нестарый, невысокого роста, с обыкновенными усами и бородой; какой цвет волос и глаз, он не заметил, во что одет, не помнит. На голове большая соломенная шляпа, какие здесь многие носят летом, в руках сумка с листовым табаком и дыней. На ногах – на это он обратил внимание – новые коричневые брезентовые полуботинки.

Хрулев вместе с несколькими оперативными работниками бросился искать хозяина плаща, но никого не нашли. Тогда Хрулев направился к месту стоянки автобусов.

Очередной автобус только что отошел. По-видимому, неизвестный уехал на нем. По крайней мере диспетчер автобусного движения утверждал, что заметил среди отъезжающих пассажиров гражданина в соломенной шляпе и с дыней в кошелке. Он прибежал на остановку запыхавшись и вскочил в автобус почти на ходу. Хрулев сейчас же, прямо из диспетчерской будки, связался с городом, доложил майору Рожкову обо всем случившемся, сообщил номер автобуса.

– Возьмите откуда хотите мотоцикл и немедленно отправляйтесь в погоню, – приказал майор. – А я поеду вам навстречу... Да помните: главная примета преступника – новые брезентовые полуботинки. О шляпе забудьте: он ее, наверное, уже бросил.

Хрулев побежал в сельсовет. Ему повезло: он достал мотоцикл, заправленный горючим. Когда он проезжал мимо автобусной станции, часы показывали без пяти минут одиннадцать (автобус отошел из села Лановцы в десять тридцать). Майор Рожков в это время уже мчался на мотоцикле в сторону села Лановцы с картой в кармане и биноклем на шее. Расстояние от города до села было равно сорока восьми километрам. На дороге, хорошо знакомой майору, из-за ярмарки было довольно сильное движение. То и дело мотоцикл Рожкова обгонял арбы с арбузами и дынями, запряженные медлительными волами, возы с сеном, грузовики с товарами, автобусы, везущие пассажиров на ярмарку. Управляя машиной, майор не переставал напряженно думать, производя в уме сложные расчеты: важно было знать, где он должен встретиться с автобусом № 3—16. Автобусы попадались каждые десять минут. Все они казались одинаковыми, и номера их трудно было различить. По вычислениям получалось, что встреча с машиной № 3—16 произойдет в 11 часов 7 минут. Автобус за это время проедет около двадцати двух километров и будет совсем близко от совхоза «Красный луч». Майор ясно представлял себе это место: дорога, плотно обсаженная с обеих сторон тополями, делала небольшой поворот и поднималась в гору, совхоз находился сейчас же за поворотом. Майор должен был встретиться с автобусом раньше, чем Хрулев успеет его догнать.

Расчеты Рожкова оказались правильными. Когда он подъезжал к совхозу «Красный луч», с горки навстречу ему осторожно спускался голубой автобус. Пропустив его мимо, майор

повернул мотоцикл и, увидев по номеру машины, что не ошибся, без труда догнал его и остановил. Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться, что между пассажирами нет того, кого он ищет. Среди мужчин – их было восемь – только двое имели бороды: молодой агроном и старик, сторож городского сада. Обоих их майор хорошо знал в лицо. На его вопрос, не садился ли в машину мужчина средних лет, невысокого роста, с усами и бородой, в новых брезентовых полуботинках, с дыней в кошелке и, возможно, в соломенной шляпе, все ответили утвердительно. Да, действительно, такой гражданин сел в Лановцах, но он вылез около хутора Ольховцы, на самом перекрестке дорог. «А шляпу у него ветром сорвало, как только от села поднялись на гору, – сказал кондуктор. – Он и останавливать машину не захотел. Махнул рукой и повязал голову платком».

Все было ясно: преступник знал, что его преследуют, и старался замести следы. Майор поспешил вперед, внимательно осматривая встречающиеся повозки и пешеходов. Через несколько минут он издали увидел бешено мчавшуюся навстречу машину Хрулева. Майор знаком приказал ему остановиться и в двух словах изложил положение дела.

– Вы, конечно, не осматривали как следует встречающиеся повозки и пешеходов? – спросил он.

– Не мог, товарищ майор, спешил.

«Ну, конечно, спешил! На этом и был основан весь план бегства преступника», – с досадой подумал Рожков.

– Едемте к хутору, – быстро сказал он.

Через семь минут они были у перекрестка дорог. Хутор Ольховцы виднелся в стороне, километрах в двух с половиной от шоссе. Кругом с обеих сторон на большое расстояние хлеба уже были убраны. Майор внимательно осмотрел в бинокль окрестность. Поля, тропинки и дорожки были видны как на ладони. Ничего подозрительного: вблизи никого нет, в отдалении – несколько возов, на тропинках – три или четыре женщины.

– Отсюда до села Лановцы только двенадцать километров, – вслух рассуждал майор. – Автобус проходит их в двадцать минут, следовательно, наш молодчик слез с автобуса в десять часов пятьдесят минут, то есть, – майор взглянул на часы, – полчаса тому назад. За это время он не мог дойти до хутора. По скошенным полям он не пошел бы: слишком видно и скрыться негде. Идти пешком по дороге невозможно – сразу узнают. Ехать в повозке вперед нет расчета – его легко заметить. К тому же он понимал, что, догнав автобус и убедившись, что там его нет, вы, естественно, повернете назад и будете разглядывать всех встречающих. Безопаснее всего ехать обратно, в сторону села, навстречу вам... Значит, нам нужно ехать в этом же направлении, осматривая по пути весь транспорт и пешеходов. Но оставить хутор без осмотра все-таки нельзя. Это придется сделать мне, а вы поезжайте по дороге в Лановцы. Да будьте внимательны.

...Хрулев тщательно осматривал дорогу и потратил на езду около получаса. Преступника он не встретил и повернул обратно. В девяти километрах от села, после крутого спуска, шоссе пересекала небольшая речка. На мосту его дожидался майор.

– Я напрасно потерял время на осмотр хутора, – сказал он. – Там, конечно, никого не было. Этот мошенник ловок, он обвел нас вокруг пальца. Вот смотрите! – И он указал рукой вниз, под мост.

Там валялась большая, развалившаяся на куски дыня, над ней кружили шмели и мухи.

– Теперь его маневр ясен: как только он вылез из автобуса, то сейчас же сел на какую-нибудь подводу или арбу и поехал обратно навстречу вам. Вы, в азарте преследования не замечая ничего вокруг, пронеслись мимо, а он преспокойно слез вот здесь, у моста, и пошел себе пешечком по заболоченному оврагу, выбирая такие места, где мотоцикл не пройдет. Дыня была тяжелая, и он ее бросил... Ясно! Здесь он был примерно в одиннадцать двадцать, то есть минут сорок тому назад. Теперь найти его трудно. Он успел углубиться в лес. – Майор задумался.

– Все-таки, – добавил он, – ступайте по его следам. Может быть, узнаете что-нибудь важное. А я поеду в Лановцы. Хочу лично снять показания да как следует рассмотреть плащ. Где вы его оставили?

– Сдал на хранение председателю сельсовета.

– Отлично! Я буду там вас ждать. Вашу машину дотащу как-нибудь один.

Майор поехал в село, и там на ярмарке я с ним встретился, что уже читателю известно. Лейтенант Хрулев вернулся к ночи, уставший и расстроенный. Он обошел окрестные болота, кустарники, овраги, блуждал по лесным тропинкам, но никаких следов беглеца не обнаружил.

Майор внимательно выслушал его доклад.

– Мы имеем дело с опытным преступником, – сказал он. – Нам следует учесть это в дальнейшем.

– Удивительно, товарищ майор, как он мог допустить такую оплошность – пойти продавать свой плащ.

– Это не его плащ: он ему не подходит по росту. Это плащ его шефа. Я даже думаю, что шеф поручил ему уничтожить эту важную улику, а он на свой страх потащил его на базар, только сменив пуговицы. Видимо, в деньгах нуждался. Но парень он хитрый. Заметьте: он не пошел продавать плащ в магазин. Нет, он продал его перекупщику и некоторое время наблюдал за его действиями. Увидел, что с плащом неблагополучно, скрылся и сумел замести следы... Вот положительные результаты сегодняшнего дня: мы знаем двух из шайки. Первый – шеф: высокого роста, немного близорук, носит очки. Второй – подчиненный: ловкий плут, нуждается в деньгах. Возраст – лет тридцать пять, невысокого роста.

– С бородой, – вставил лейтенант.

– С бородой! Сказали бы уж тогда лучше: носит соломенную шляпу! Он был с бородой – это точно. Но сейчас, наверное, уже без нее. Он и отрастил-то бороду для того, чтобы в нужный момент ее сбрить. Вот что мы знаем: невысокого роста и курит трубку.

– Откуда это известно, товарищ майор?

– Вы забыли, что в сумке у него кроме дыни был листовой табак? Дыню он выбросил, а табак оставил...

Глава XI. По лесу за блуждающим огоньком

После того как мы позавтракали и немного отдохнули, майор дал указание, как вести дальнейшие поиски. Он сам вместе с Краевским подробно обследует ближайшие окрестности. Нам с Хрулевым поручается осмотреть более отдаленные районы. Я пойду направо, по опушке леса, а Хрулев – налево, по берегу реки. К семи часам мы оба должны вернуться.

Получив эти указания, я взял серп – на случай, если придется пробиваться через заросли, – и отправился на рекогносцировку. Я шел вдоль высокого каменного массива по едва заметной, давно заброшенной тропинке. Справа начинался густой лес, слева возвышалась скала. Я самым тщательным образом ее осматривал, надеясь отыскать какую-нибудь пещеру, заваленный вход или скрытую лазейку, но ничего не находил. Камень всюду казался твердым и однородным. День кончался. Солнце стояло над самыми деревьями, и лучи его, теперь уже холодные, освещали ровным вечерним светом серые отроги скал. Длинные тени, падающие от деревьев, оставляли на них причудливые узоры. Жара спала. Тем не менее жажда мучила сильнее прежнего. Я ничего не пил с утра, долго работал на жаре и к тому же съел бутерброд с икрой. Но надо было терпеть, и я шел вперед, мечтая о том, как, вернувшись к машине, напьюсь нарзану, несколько бутылок которого там оставалось.

Но вот лес отступил вправо и обнажил большую каменистую площадку, всю засыпанную щебнем. Слева виднелась широкая расщелина скалы, заполненная осыпью, по которой можно было забраться вверх. Справа площадки, почти у самого леса, позади кустов черемухи я заметил какое-то сооружение с колесом.

Подойдя поближе, я, к своей радости, увидел колодец. Под небольшим навесом была устроена широкая бетонная труба, а над ней на железной раме ворот, снабженный большой рукояткой с храповиком, не позволяющим срываться бадье при подъеме. Весь механизм, а также железная цепь были вполне исправны, хотя и сильно заржавлены. Большая квадратная бадья была погнута и помята, но цела. Очевидно, колодцем давно уже никто не пользовался. Я заглянул в него. Длинная шахта, высеченная в камне, уходила глубоко вниз. На дне ее тускло поблескивала вода. Я взялся за рукоятку. Ворот заскрипел, и бадья стала опускаться. Через минуту я поднял ее.

Какое разочарование! Я рассчитывал напиться холодной, чистой воды, какая должна быть в таком глубоком колодце, а в бадье была грязная, вонючая жижа, на поверхности которой среди пятен масла в изобилии плавали спички, пробки, деревяшки, кусочки резины и вообще всякая дрянь. Я попробовал воду: она имела кисловатый вкус и пахла серой и дымом. И все-таки я напился этой мерзкой жидкости – так сильно мучила меня жажда.

Освежившись, я с новыми силами пустился в поиски. Полез по осыпи, осматривая каждый камешек, каждую пещеру, каждую трещинку, – и опять без всякого результата. Поднялся на вершину скалы, проверил, нет ли какого-нибудь скрытого люка или отдушины, и снова ничего подозрительного не заметил. Поиски оказались бесплодными. Оставалось только утешать себя мыслью, что, может быть, моим друзьям больше посчастливилось... Надо было возвращаться: часы показывали половину седьмого. Я быстро спустился по осыпи, но очутился совсем не там, где ожидал. Ни площадки, ни колодца – кругом лес. Тут только я понял, какого дал маху. Когда я поднимался, солнце светило мне в затылок, а теперь оно садилось за горой, и, следовательно, я находился на прямо противоположной ее стороне. Решил идти через лес, в обход скалы, но скоро понял, что эта задача мне не под силу. Я спотыкался о валежник, путался в высоком папоротнике, застревал в кустах, наткнулся на каменные глыбы и наконец вовсе выбился из сил. Тогда я повернул обратно, опять поднялся на скалу, отыскал расщелину, которая показалась мне знакомой, спустился по ней и опять попал в неизвестное место. Между тем солнце спряталось за лес, и наступили сумерки. Подул свежий ветерок. В низинах кое-где

поднялись облачка тумана. Было уже около половины девятого. Я подумал, что мои спутники, наверное, перестали меня ждать и что спешить мне уже некуда.

Усталый, я сел на камень.

* * *

Я сидел на краю скалы, не зная, что предпринять. Передо мной была широкая долина, вся поросшая лесом. По ней серебряной полоской вился ручеек. Вдали серели горы. Примерно в полукилометре среди леса можно было разглядеть несколько низеньких и длинных строений, обнесенных забором, с башенками по углам. В центре стояла вышка с площадкой наверху, огороженной перилами. Это, как я догадался, был брошенный фашистами концентрационный лагерь для военнопленных. Со всех сторон к нему через лес шли дорожки и тропинки. Я уже давно хотел осмотреть этот лагерь. Теперь представился случай. Кроме того, скоро наступит ночь, в темноте отсюда не выбраться, и лучше ночевать в старом лагере под кровлей, чем на голых камнях. Поэтому я наметил себе тропинку, по которой ближе всего можно было пройти к лагерю, и спустился со скалы в лес. Меня обдало холодом и сыростью. Я застегнул пуговицы пиджака и смело пошел вперед.

В лесу царил полная тишина. Деревья стояли неподвижно, как в сонном царстве. Слышно было только, как хлюпала вода под ногами и трещали сучья. Лишь изредка большая ночная птица бесшумно проносилась над головой. Через четверть часа я переправился через ручеек по бревнам разрушенного мостка и подошел к лагерю. Вороха ржавой колючей проволоки среди подгнивших кольев; высокий деревянный забор с натянутыми сверху на изоляторах проводами, во многих местах уже развалившийся; ров, заросший лопухами и крапивой, с лужами позеленевшей воды на дне; тяжелые покосившиеся ворота. Вот первое впечатление от лагеря.

Я хотел было хорошенько осмотреть его, надеясь отыскать что-нибудь интересное, например цифровые надписи, но стало совсем темно, и пришлось отложить подробный осмотр на завтра. Прошелся по баракам. Сыро. Пахнет гнилью. Нары и пол покрыты зеленью. Окна выломаны. Крыша худая... Нет! Здесь ночевать невозможно! Лучше забраться на вышку и выпастся там. Полез по скрипучим ступеням. Наверху было теплее и суше. На площадке валялось сено: очевидно, здесь уже ночевали. Я улегся на него, укрылся, насколько мог, пиджаком, положил возле себя серп, с которым не расставался все время, и задремал.

Проснулся с неопределенным чувством, будто услышал чьи-то шаги. Будто кто-то прошел внизу, у вышки, и вышел за ворота лагеря. Я прислушался – все тихо. Нет, ничего не слышно. Только ветер шелестит листьями и звенит колючей проволокой. И все-таки беспокойство меня не покидало. Я встал и подошел к перилам. Кругом – полная темнота. Небо черное. Ни одной звездочки не выглядывает из сплошной пелены туч. Внизу ничего не видно, точно стоишь на краю бездонного обрыва. Ветер забирается под рубашку и холодной струйкой пробегает по телу, вызывая дрожь.

И вдруг совсем недалеко от лагеря в лесу промелькнул свет... Нет, я не ошибся! Кто-то шел по тропинке, освещая дорогу карманным электрическим фонариком.

Кто же может ходить ночью здесь, в глухом лесу, так далеко от жилья? Слежу за светлой звездочкой фонарика и, к изумлению своему, замечаю, что она удаляется. Как это может быть? Сначала я подумал, что это обман зрения, что мне только так показалось... Но нет! Я ясно вижу, как свет фонарика становится слабее. Вот человек подошел к ручейку и освещает фонариком мостик. Он теперь светит перед собой, как и полагается. Но, перейдя на другой берег, он опять повернул фонарик назад и несколько раз помигал им. Что за чертовщина! Зачем он освещает дорогу позади себя? Кто же так делает? Это необычное поведение странного путника поразило меня.

Все непонятное невольно внушает страх, и я, признаюсь, заколебался, прежде чем решиться последовать за таинственным огоньком. Я был безоружен, а внутреннее чувство подсказывало, что мне угрожает опасность. Но нерешительность моя продолжалась не более секунды. «Рожков или Краевский, – подумал я, – не колебались бы ни мгновения. Никакая опасность не испугала бы их». И, схватив серп, свое единственное оружие, я поспешно спустился с вышки. Мои глаза несколько привыкли к темноте, и я различал среди тьмы силуэты деревьев и строений. Выбежал за ограду. Побежал вверх по кособокому, путаясь ногами в траве и натыкаясь на кусты.

...Напряженно всматриваюсь в темноту. Где-то вдалеке мелькает светлое пятнышко, освещая то ветви кустарников, то вершины деревьев, раскачиваемые ветром. Человек с фонарем, очевидно, идет по одной из тропинок. Я устремляюсь за ним напрямик, через лес. Колючки кустарника царапают руки, упругие ветки хлещут в лицо, холодные брызги росы падают на одежду.

Вот и тропинка. Огонек теперь ближе. В ночной темноте его свет кажется ярким, как луч прожектора. Когда он светит прямо назад, мокрая тропинка блестит, будто покрытая льдом. В эти мгновения, чтобы не быть замеченным, я замираю и стараюсь укрыться за стволами деревьев. Так мы идем друг за другом с полчаса.

Вот и опушка леса. Светящийся зайчик фонарика стал подниматься – тропинка шла теперь вверх по кособокому. Здесь было светлее, чем в лесу, и я различил среди ночной мглы силуэты двух фигур. Впереди шла женщина, за ней – мужчина. Я сошел с тропинки и следовал за ними, перебегая от куста к кусту и переползая на четвереньках по мокрой траве открытые пространства. Достигнув вершины, они остановились и с минуту смотрели оба в одну сторону. Их фигуры, освещенные слабым красноватым светом наступающего утра, были теперь ясно видны на темном фоне неба. Мужчина был высокого роста, в черном пальто и автомобильном шлеме. Женщина, вернее стройная девочка лет пятнадцати, стояла поодаль. На ней была красная кофточка и темная юбка. Голова ее была плотно повязана косынкой, концы которой трепались по ветру. Они стояли спиной ко мне, и лица их я не мог разглядеть. Потом оба пошли дальше. Я поднялся за ними на пригорок и невольно остановился, пораженный. Над лесом горело зарево. Оно росло на глазах, поднимаясь все выше по небу, полыхая, как факел, и отражаясь красным отблеском на облаках. Тучи огненных искр летели вместе с клубами багрово-черного дыма и относились сильным ветром в сторону. Вот из-за деревьев вырвался язык яркого пламени, вслед за ним другой, третий... Стало светло, как ранним утром.

Позади меня хрустнула ветка. Не успел я обернуться, как чьи-то сильные руки схватили меня сзади за горло. Я почувствовал удар под колени и упал навзничь. Но, падая, я всплеснул руками и скорее невольно, чем умышленно, ударил нападавшего серпом по плечу. Он вскрикнул и на мгновение выпустил меня. Я вскочил на ноги. Он успел схватить меня за руку и вырвал серп.

Обернувшись, я заметил черный силуэт еще одного человека, пробирающегося ко мне сквозь кусты и готового напасть. «Беги, спасайся!» – шепнул мне внутренний голос, и я стремглав бросился бежать вниз по кособокому, чувствуя за собой погоню. Инстинкт подсказал мне правильное направление. Я побежал прямо на огонь по ярко освещенной тропинке. Сердце в груди колотилось так, точно хотело разбить грудную клетку, дыхания не хватало, но я бежал сколько было сил. Сыпались искры, дым ел глаза, горячий воздух обжигал горло, но я не останавливался, чувствуя, что спасение мое только в бегстве. Вот я у самого огня. Горят штабеля сухих бревен. Пламя бушует и ревет, дерево трещит и коробится, выбрасывая фонтаны искр, струи горячего дыма и множество пылающих головешек. Закрыв лицо рукой, я бросаюсь между двумя громадными кострами и бегу по тлеющей траве и углям, через обгоревший кустарник. Пожар позади. Теперь я на время укрыт огнем от преследования и могу передохнуть.

Дорога мне кажется знакомой. Да, конечно, это та самая местность возле недостроенного фашистского укрепления, куда мы ездили на прогулку. А горят те штабеля леса, на которых я фотографировал девушек.

Но я снова слышу за собой погоню. Враги отстали, но зато теперь, освещенный сзади светом пожара, я им хорошо виден. Надо быстрее бежать, но ноги еле двигаются.

Вдруг я слышу громкий треск: тррах!.. Потом еще раз: тррах!.. «Как сильно трещат бревна, – думаю я. – Головни, наверное, далеко разлетаются...» Тррах! – слышу я в третий раз, и что-то ударяется впереди меня о камень. И тут я догадываюсь: «Это выстрелы! В меня стреляют...»

Смертельная опасность подействовала на меня, как удар хлыста. Откуда только взялись силы! Ноги заработали сами собой, и я стремглав понесся по дороге вниз, к спасительному повороту, который должен был заслонить меня от пуль и света.

Вот и поворот. Сразу же попадаю в темноту. Еще несколько прыжков – и передо мной открывается черная гладь реки. Не раздумывая, бросаюсь с берега в воду.

Разгоряченный, не сразу замечаю холод воды. Мокрый пиджак мешает движению и тянет ко дну. Я сбрасываю его и сколько осталось сил плыву к невидимому берегу. Преследователи уже у воды. Я слышу их голоса. Резкий удар выстрела, повторенный эхом, раскатывается по воде. «Замри! Скройся!» – говорит мне внутренний голос. Я погружаюсь в воду по самое лицо. Сильное течение быстро относит меня в сторону. Еще выстрел... Еще и еще...

Слышу, как в стороне от меня шлепаются в воду пули.

Темнота спасла меня: враги обстреливали мой пиджак. Через несколько минут я, цепляясь за траву и корни деревьев, выбрался на противоположный берег и остался лежать на земле, без сил, без воли, без мыслей, с одним только чувством, что спасся от смерти. На ветру холод пронизывал меня насквозь, зубы стучали, все тело дрожало.

Скоро, однако, я собрался с мыслями. Пришлось признаться, что вел я себя этой ночью непростительно глупо. Вышел на открытое, освещенное место и, как мальчишка, глядел на пожар. Упустил тех, за кем следил, и сам показал себя врагам. За мною гнались, как за зайцем, и чуть не убили.

«Майор не похвалит меня, – думал я с горечью, – пожалуй, odstranit вовсе и будет прав. И сейчас вот: сижу, как мокрая курица, когда надо действовать... Он, наверное, не терял бы времени. А как поступил бы Краевский? Он не пал бы духом от неудачи, не струсил, а упорно стал бы продолжать начатое дело».

Я был так зол на себя, что забыл и про холод, и про усталость и решил немедленно переплыть обратно реку и снова пуститься в разведку.

И вот я опять лезу в воду – теперь она кажется мне совсем теплой – и плыву обратно через реку. Передо мной на красноватом фоне затухающего зарева четко обрисовывается контур черной скалы.

Осторожно, стараясь не шуметь, я доплыл до середины реки и тут почувствовал, что на берегу есть люди. Их тихий говор и шум шагов были ясно слышны. Вот заплескалась вода, и что-то загудело, как запущенный волчок.

– Отвезите к себе и сейчас же возвращайтесь. Чтобы через двадцать минут быть здесь! – раздался чей-то голос, видимо, отдающий приказание.

Шум приблизился, и совсем близко от меня, не более чем в пяти метрах, промчалась лодочка.

Суденышко было очень маленькое, длиной метра в три. Борта чуть возвышались над водой. Два человека едва помещались в нем. У носа сидела та самая девочка, которую я видел в лесу. Тусклый отблеск зарева помог мне разглядеть красивый, хотя несколько грубоватый профиль брюнетки с суровым выражением рта. Я никогда ее не видел, и все-таки в ее лице было что-то знакомое.

У руля сидел мужчина с непокрытой головой и длинными усами, какие носят в здешних местах многие крестьяне. Мне показалось, что это тот самый человек, который напал на меня в лесу. Лодка быстро двигалась против течения, приводимая в движение, вероятно, электромотором.

Я понял, что обнаружил нечто важное, и поплыл обратно. На берегу я отжал одежду и пошел по какой-то тропиночке в надежде выйти на большую дорогу.

Уже рассветало, когда я набрел на деревню. Постучал в первую попавшуюся избу. Меня приняли радушно, накормили яичницей со свиным салом и напоили горячим чаем. Подкрепившись немного и обсохнув, я пошел дальше и вышел на шоссе, откуда с первой попутной машиной доехал до завода.

Дома я не стал отдыхать, а только привел себя в порядок и отправился тотчас же на автобусе в город доложить Андрею Матвеевичу о ночном приключении.

Глава XII. Новая догадка

Майора Рожкова я застал в кабинете.

– Ну-с. Расскажите, где вы пропадали и что с вами приключилось? – сказал он, улыбаясь.

Я рассказал ему подробно все, что считал заслуживающим внимания: как я заблудился, как ночевал в концентрационном лагере, как заметил таинственный огонек карманного фонарика и пошел вслед за лесным путником, который непонятно почему освещал дорогу не впереди, а позади себя.

– Как же вы объясняете его странное поведение? – спросил майор.

– Не знаю. Наверное, он проверял, не следят ли за ним.

– Тогда бы он вел себя совсем по-другому. Наоборот, он фонарем показывал кому-то идущему сзади дорогу, но так показывал, чтобы его спутница про это не знала. Если бы вы тогда подумали об этом, вы бы вели себя осторожнее. Все это вполне понятно... Прошу вас, продолжайте.

Мне ничего не было понятно. Я рассказал дальше, как засмотрелся на пожар и подвергся нападению двоих неизвестных. Про пожар штабелей леса он уже знал. Он расспросил меня о нападающих, их наружности и костюме. Лицо его приняло серьезное выражение, когда я рассказывал о своем бегстве мимо пылающих костров по заминированной местности.

– Где это заминировано? – спросил он.

– У не достроенного фашистами укрепления.

– Какая чепуха! Откуда вы это взяли?

– Сторож сказал. У него собака взорвалась на mine.

– Какой сторож? Я что-то никакого сторожа там не знаю. Этот район никем и никогда не был заминирован... Интересно! Надо будет выяснить.

Затем я рассказал ему, как под пулями переплыл через реку и как потом надумал плыть обратно и продолжать разведку.

– И вы после всего этого в самом деле решили плыть обратно? – спросил он.

– Да, решил.

– И поплыли?

– Поплыл.

Он взглянул на меня и хотя ничего не сказал, но в его взгляде я прочел одобрение.

Когда я закончил свой рассказ, он сказал:

– Ваше последнее плавание оказалось очень удачным. Про эту лодочку мы уже слышали, а рулевого-то не видели... А что, девушка не показалась вам знакомой?

– Понимаете ли, Андрей Матвеевич, как будто я ее где-то видел, но где – не могу вспомнить.

– И ни на кого она не похожа?

– Нет... Не знаю...

Он промолчал, но я понял, что он догадывается, кто была эта девушка, но не находит нужным мне сказать. Я, конечно, не стал спрашивать.

Я встал, чтобы уйти, но он остановил меня движением руки.

– Посидите, – сказал он. – Могу вам сообщить еще кое-что интересное. Корреспондент Коломийцев, по всей видимости, здесь ни при чем. Я успел собрать кое-какие справки по телеграфу.

Майор взял со стола листок бумаги.

– Вот его приметы: высокого роста, брюнет, длинные волнистые волосы, усы, близорук, носит очки, имеет пулевое ранение на левой руке между локтем и кистью...

– Да, да, – прервал я, – такая рана есть, я ее видел.

– Видели? Хорошо! В ночь убийства Сердобина был в городе Чернигове, где и находится до сего времени. Кроме того, установлено, что, попрощавшись с вами, он действительно улетел на самолете.

– Все ясно.

– Не совсем, правда. Надо было бы поговорить с ним лично. Я пошлю ему приглашение заехать сюда... Теперь вот еще есть справка.

Майор достал из стола телеграмму и стал читать:

– «Детские расчески из желтой пластмассы в форме рыбки производились в 1940–1941 годах харьковской артелью “Спецтруд”. В настоящее время с производства давно сняты. Образец, или фото, или же чертежи вышлем вам, как только они будут разысканы». Возможна, стало быть, случайность: Сердобин и другие местные жители достали где-нибудь на складе эти расчески – в продаже здесь их не было, а Коломийцев купил такую же расческу в другом месте. Бывают совпадения. Опять-таки надо было бы с ним побеседовать... А вот еще одна справка. Это ответ лаборатории на наш запрос о стеклышке, что мы нашли в кармане плаща. Я вам прочту его полностью: «На ваш запрос сообщаем, что химический и оптический анализы с полной определенностью показали, что присланный вами осколок стекла является кусочком часового стекла карманных часов, а вовсе не осколком оптического стекла от очков, как вы полагаете. Сообщаем также, что размер этого стекла не соответствует ни одному из стандартов на часовые стекла, а края его отшлифованы так, что оно не может быть вставлено в ободок часов нашего производства. Возможно, стекло это было вставлено в какие-нибудь особые или старинные карманные часы». Что вы на это скажете?

– Выходит, что таинственный владелец прорезиненного плаща вовсе не близорук и не носит очков.

– Первое несомненно, а второе требует подтверждения... Ну, Сергей Михайлович, – продолжал майор, переходя на дружеский тон, – как вы себя чувствуете после вчерашней передряги?

– Представьте себе, Андрей Матвеевич, что неплохо. Усталости не чувствую и даже спать не хочется. И, кажется, не простудился.

– Так часто бывает в минуты душевного подъема. Резервы человеческих сил много больше, чем думают. И организм у вас крепкий.

– Даже очень: пил из колодца необычайно мерзкую воду и не отравился.

– Из какого колодца?

– Недалеко от того места, где мы остановились, есть колодец. Такой дряни я никогда в жизни не пивал! Вода мутная, кислая, воняет дымом. На поверхности плавают масло, спички, пробки. Чуть не подавился куском резины...

Майор встал со стула и зашагал по комнате.

– Странно, странно... – сказал он. – И поблизости нет поселка или хотя бы дома?

– Ничего нет. Вас это поражает?

– А вас нет?... Мы ищем подземную мастерскую и натываемся на колодец, пробитый в скале в безлюдном месте, в котором находим сбросные воды производства. Разве это не удивительно?

– Так вы полагаете, Андрей Матвеевич, что колодец этот имеет связь с мастерской, с ее водостоками? Но зачем же делать колодец на водостоке?

– Может быть, это не колодец собственно, а шурф, пробитый для каких-нибудь целей: вентиляции, подъема выбранной горной породы, спуска рабочих или для чего-нибудь еще. Нечто вроде шахты Метростроя в миниатюре.

– Да, да, я заметил, что бадья, которая там подвешена, побита и погнута, как будто в ней поднимали тяжелые камни.

– Вот видите... Одно это уже наводит на размышления. Колодец надо обследовать самым тщательным образом. Может быть, здесь ключ всех загадок... Теперь я распрощаюсь с вами. Идите домой отдыхать. Чувствую, что завтра у нас будет много хлопот. До свидания!

Мы простились, и я отправился домой, чтобы как следует выспаться.

Глава XIII. Подземная лаборатория

Но отдохнуть не пришлось. Дома меня уже ждали Татьяна и Анечка. Они забросали меня вопросами: куда я ездил, зачем и где пропадал целые сутки? Я не подготовился к такому допросу и вынужден был импровизировать, будто Краевский пригласил меня на охоту, будто я заблудился, весь день проплутал в лесу, вымок в болоте, ночевал в развалившейся сторожке и только утром вышел на дорогу. Получилось довольно нескладно.

– И вы весь день ничего не ели? – спросила Татьяна.

– Нет, ел... Застрелил тетерку, изжарил на костре и съел, – сфантазировал я.

– Как же вы ее убили?

– Из ружья.

– Да где же оно, ваше ружье?

– А я его сегодня утром вернул Краевскому. Вышло правдоподобно, но Анечка не поверила, я видел это по ее глазам.

В этот день мы гуляли мало. Больше сидели дома, разговаривали и играли в карты, пока я не начал клевать носом.

На другой день рано утром меня разбудил сам майор Рожков. В машине ждали нас Краевский, старший лейтенант и сержант, которых я раньше не видел. Хрулева не было. Как и два дня назад, машина быстро понеслась по шоссе, и меньше чем через час мы подъехали к парому. У домика сторожа машина остановилась и дала сигнал. Из сторожки вышел лейтенант Хрулев и быстрым шагом подошел к нам.

– Товарищ майор, – доложил он, – сторож Галемба скрылся, нигде не можем найти.

Лицо Рожкова передернулось.

– Так, – промычал он сквозь зубы, – веселенькая новость! Порадовали...

– Вчера вечером он был на месте, – оправдывался лейтенант, – его видели на пароме и на берегу. В шесть часов он ходил в магазин. В десять в окнах сторожки был свет. А когда мы в два часа сюда приехали, его не оказалось.

– Клетка пуста, и птичка улетела!.. Приходится сознаться, что противники наши лучше нас действуют и не тратят зря времени. Они, конечно, учли, что Сергей Михайлович не станет молчать о своих ночных проделках, и поспешили замести следы. Печально! Что же вы намерены делать?

– Что прикажете, товарищ майор.

– Я прикажу вам ехать с нами. А вы, лейтенант Анисимов, – обратился он к товарищу, сидевшему в нашей машине, – оставайтесь здесь и проведите самый тщательный обыск. Может быть, вам удастся найти что-нибудь, что навело бы на след преступника или хотя бы позволило установить его настоящее имя: «Галемба», наверное, фальшивая фамилия... Едемте скорее, задерживаться нечего.

Мы поспешили дальше. Паром перевез нас на другой берег. Сильная машина легко поднялась на крутизну и понеслась по знакомой дороге.

Майор был не в духе. Он сидел молча, постукивая от нетерпения пальцем по портфелю. Краевский непрерывно курил трубку. Я не утерпел и спросил майора:

– Андрей Матвеевич, как вы узнали, что сторож у парома – один из их сообщников?

– Вы подсказали.

– Я?

– Ну да. Вы подслушали разговор этих людей и приказание съездить домой и через двадцать минут вернуться назад. Вверх по течению реки на расстоянии примерно десятиминутного хода этой лодки находится только одно жилье – домик сторожа парома. Этот факт заслуживал самого серьезного внимания. Мы проверили, и оказалось, что сторож ни с того ни с

сего сбрил себе бороду. Все прояснилось. Но события разворачиваются не так, как хотелось бы. Преступники чувствуют, что их выследили, и прячут концы в воду. Это мне не нравится. Боюсь, что у колодца нас ждет сюрприз.

Но он ошибся. Мы доехали до «Колонны согласия», проделали пешком тот же маршрут, что и два дня назад, и я провел всех еще с полкилометра по тропинке к колодцу. Колодец оказался целехонек, подъемный механизм исправен, и никаких следов пребывания людей заметно не было.

Майор осмотрел колодец.

– Пробит в скале, – сказал он. – Да, здесь нельзя и ожидать почвенной воды. Подъемник рассчитан на большую тяжесть. Все ясно! Ну, давайте сделаем промеры.

Глубина колодца оказалась равной десяти с половиной метрам, причем воды было только на метр с четвертью. Потом проверили, нет ли скопления вредных газов, для чего бросили в колодец горящую бумагу. Она погасла только в воде. Воздух оказался пригодным для дыхания. Тогда я вызвался первым спуститься на дно колодца. Майор посмотрел на меня и согласился, при условии, однако, что я буду безусловно подчиняться его приказам. Я снял с себя всю лишнюю одежду и влез в бадью. Мне дали складной метр, повесили на шею большой электрический фонарь и начали медленно опускать. Я стоял в бадье, держась за цепь, и смотрел, как постепенно уменьшалось круглое пятно голубого неба. Но вот подо мной плеснулась вода. Я затопил бадью и, стоя на ее краях, погрузился по пояс в теплую грязную воду. Тут я увидел то, чего все ожидали: шахта колодца пересекалась трубой. Она шла наклонно, повышаясь в одну сторону и понижаясь в другую. Я сделал промеры. Труба была овальной формы, высотой ровно в метр и шириной в семьдесят сантиметров. Наполовину она оставалась ниже уровня воды. По трубе можно было с трудом продвигаться. Впрочем, эти трудности должны были кончиться, как только поднимешься выше уровня воды.

Я крикнул наверх, что окончил исследование, и тотчас же получил приказание майора подниматься. Цепь зазвенела, закрипели шестеренки, и через минуту я был на поверхности земли. Возбужденный и радостный, я рассказал обо всем своим спутникам. Стали снаряжаться в подземную экспедицию. Первым решил спускаться майор, потом должен был идти я и последним – лейтенант Хрулев. Краевский из-за протеза лишился возможности принять участие в этом путешествии и остался наверху, у ворота, вместе с сержантом. Оба спутника, подобно мне, надели спортивные костюмы и туфли и повесили на грудь электрические фонари. Майор достал три резиновых мешка с широкими отверстиями, плотно замыкающимися специальными зажимами. В них он положил по две свечки, по две коробки спичек, бумагу, рулетку, часы, компас. В мой мешок он сунул фотоаппарат и запасы магнезии, к Хрулеву – слесарные инструменты, а к себе – моток крепких ниток и пистолет. Взяв в руки по мешку и обмотавшись куском веревки, мы начали поочередно спускаться в шахту колодца.

Я хорошо помню это подземное путешествие. Идти на корточках по пояс в воде было очень тяжело. Не хватало воздуха, ноги скользили по кривому дну трубы, покрытому липким илом.

Хорошо еще, что мучения эти продолжались недолго. С каждым шагом вода отступала все ниже и ниже, и скоро я выбрался на сухое место. Отсюда можно было ползти на четвереньках, что было значительно легче. Ползли мы очень долго, все время вверх по уклону. Помню, меня особенно мучил тяжелый ломик, который я тащил по дну трубы, зажав в руке.

Эти тридцать два метра (как впоследствии выяснилось) показались мне бесконечными. Я выбился из сил и изранил себе руки и ноги об осколки острых камней и о стекла, попадавшие на дне трубы. Но вот майор воскликнул: «Конец!» – и я увидел, что он встал на ноги. В этом месте труба круто поворачивала вверх, поднималась метра на три и оканчивалась решеткой, к которой можно было добраться по вбитым в стенку железным скобкам.

Майор полез по ним вверх, надавил на решетку плечом и откинул ее, как крышку коробки.

Я последовал за ним и очутился в цилиндрической камере высотой метра в три, с полом, покрытым толстым слоем ила, и люком под потолком, куда вела железная лестница. Это по всем признакам была водосборная камера.

Мы поднялись по лесенке, открыли люк и очутились в темном, узком коридоре, идущем в обе стороны. Шириной он был в метр, высотой – метра в два. Пол был покрыт резиновым ковриком. На потолке я заметил электрические лампочки.

– Ну вот мы и в подземном царстве фашистов, – сказал майор. – Прежде чем пуститься в дальнейшие поиски, нам нужно обеспечить отступление.

Он зажег свечу и поставил ее на пол возле люка. Потом достал большой моток крепкой нитки, привязал конец ее к люку и передал моток мне.

– Вы будете заведовать нитью Ариадны¹, – сказал он. – Ну, теперь в дорогу! Далеко от меня не отходите да смотрите ни в коем случае не касайтесь ни кнопок, ни выключателей, ни рубильников.

Идем гуськом по коридору, тщательно осматривая каждый его уголок и постукивая локтями по стенкам. Коридор изгибается дугой. Яркий электрический свет фонарей освещает лишь небольшой кусок. Впереди и позади царит тьма. Но вот коридор неожиданно расширяется влево, и в лучах света блестят полки с химической посудой. Мы входим в лабораторию. Она имеет вид низкого, узкого и длинного каземата. Ряды пробирок, колбы, штативы с бюретками, воронки с фильтровальной бумагой, склянки с реактивами, бутылки с дистиллированной водой, вытяжные шкафы, газовые горелки, эксикаторы – все в полном порядке. Кажется, что лаборатория лишь на минуту оставлена и что вот-вот вернется химик и работа снова закипит.

– Сюда, сюда! Не разбредайтесь! – услышал я голос майора.

Он ушел вперед по коридору и теперь осматривал соседнюю комнату. Мы пошли на его зов. Это был, по-видимому, кабинет начальства. Пол устилали ковры. Одна из боковых стенок была заставлена шкафами с книгами, у другой стоял стол секретаря, и далее громадный электрический камин, возле которого лежала груда бумажного пепла. Прямо перед входом, в глубине, стоял большой письменный стол, а за ним всю заднюю стенку занимало нечто необыкновенное; мы сразу не могли и разобрать, что там такое. В лучах фонаря сверкали медным блеском ноги, руки, какие-то звериные морды. Лишь подойдя ближе и направив на стену все три фонаря, мы поняли, в чем дело. У стены высилась громадная, в два человеческих роста, бронзовая статуя какого-то древнегерманского бога. Его мощная, прикрытая латами фигура сидела вполоборота верхом на кабане. Левой рукой он держал чудовище за пасть. Повернув голову, кабан упирался, и его зеленый стеклянный глаз блестел яростью. В высоко поднятой над головой правой руке истукан держал тяжелый молот, конец которого почти касался потолка. На голове был шлем с рогами, из-под которого падали на плечи густые локоны. Лицо идола было сделано нарочито грубо. Оно казалось неодушевленной маской, без выражения, чувства и мысли, и это было страшно. От этого вся статуя становилась олицетворением бессмысленной жестокости. Мы долго не могли оторвать от нее взора.

– Что за странная причуда, – высказал я вслух свою мысль, – ставить здесь, в подземелье, такую дорогую и громоздкую вещь! К чему это?

– Такие причуды свойственны фашистам, – заметил майор. – Они любят действовать на воображение массы устрашающим образом. Они придают этому дисциплинирующее значение.

– Но сколько трудов понадобилось, чтобы принести это сюда! Даже и по частям не протаскишь через водосток.

¹ Нить Ариадны – путеводная нить. Согласно греческому мифу, Ариадна, дав Тезею клубок ниток, помогла ему выбраться из лабиринта.

– Это только доказывает, – сказал майор, – что сюда есть или, по крайней мере, был другой, настоящий вход. А труд? Он им ничего не стоил. Они располагали тысячами рабов.

Перед нами стоял прекрасный письменный стол из орехового дерева. Большой бронзовый письменный прибор в виде средневекового замка, часы в форме башни с воротами, два бокала для карандашей, тоже в виде башен с зубцами, диктофон и два телефона – вот все, что мы увидели на столе. Все ящики его были выдвинуты и совершенно пусты. Ни одной бумажки. Куча пепла у камина свидетельствовала об их судьбе.

– Чистая работа, товарищ майор, – сказал Хрулев. – Даже бумага на пресс-папье уничтожена.

– И пепел растерт в порошок, – добавил Рожков. – Остается только просмотреть библиотеку.

Майор и лейтенант занялись книгами, а я пошел осматривать соседние помещения. Рядом с библиотекой была небольшая комната с несколькими койками, столом, стульями и стойками для ружей – по-видимому, караульное помещение. Затем следовал большой каземат с койками – общежитие для персонала. Дальше коридор кончился, и я хотел было вернуться к своим, когда заметил в конце его маленькую толстую дверь и открыл ее. Тяжелый воздух склепа пахнул мне в лицо. Луч фонаря упал на стоящий перед дверью стол и на неподвижное тело человека, сидящего за ним. Грудь, голова и левая рука его лежали на столе, правая беспомощно свисала почти до полу. От его ноги извивалась толстая цепь, звенья которой искрились в луче света, подобно чешуе фантастической змеи. Все это было так неожиданно и странно, что я невольно попятился назад. Не решаясь войти в комнату, я пошел доложить майору об ужасном открытии. Он с Хрулевым шли мне навстречу. Увидев мое расстроенное лицо, майор спросил:

– Что это с вами? На вас лица нет... Нашли прикованные тела, что ли? Где они?

– Там, в последней комнате, – ответил я. – Откуда же вы знаете?

Вместо майора мне ответил Хрулев:

– Слыхали в диктофоне. Они забыли уничтожить валик. На нем был записан последний приказ. Вот, смотрите, – и он подал мне клочок бумаги, на котором рукой Рожкова был написан перевод на русский язык с немецкого текста:

ПРИКАЗ по объекту VL № 172

1. Согласно распоряжению фюрера, работа на нашем объекте временно прекращается.
2. Все оборудование, аппараты и приборы оставить в полном порядке и готовности, дабы после возвращения можно было тотчас возобновить работу.
3. Все документы и чертежи немедленно сдать мне. Частную переписку уничтожить.
4. Эвакуацию персонала начать сегодня в 22 часа и закончить завтра в 4 часа. В 5 часов шлюз будет затоплен.
5. Изменника фюреру и Германии Отто Хиссингера, который предательски саботировал работу, а также русского инженера Пасько оставить в карцере на цепях, снабдив их хлебом и водой на две недели.

Хайль Гитлер!

*Начальник объекта VL 172, оберштурмбаннфюрер
Зигмунд фон Римше.*

Я был поражен открытием. Значит, там, в смрадном карцере, передо мной лежало тело отца Татьяны, Виктора Ивановича Пасько!

В то время когда все думали, что он увезен в Германию, и ждали его возвращения, он сидел на цепи в подземной тюрьме, совсем недалеко от своего дома, и умирал голодной смертью. Как это ужасно!

Я вошел в карцер и огляделся. Небольшая мрачная комната с низким потолком, почти пустая: только стол, два стула и большой бак. В середине пола было вбито железное кольцо с двумя цепями. Одна шла к телу Пасько, другая – куда-то в темный угол. Там на гряде тряпья с трудом можно было разглядеть скорчившееся тело еще одного человека. Это, без сомнения, тот самый Отто Хиссингер, который осмелился не подчиниться приказу фюрера.

Рожков занялся осмотром стола. Хрулев ползал по полу с фонарем и собирал бумажки.

– Товарищ майор, – заявил он вдруг, – под листочками пыль.

– Сам вижу... Бумажки разбросаны недавно, и стеариновые пятна совсем свежие. Спички, заметьте, которых так много валяется, все советского производства. Здесь кто-то до нас побывал, и не так давно, может быть, только два-три дня назад. Сомневаться не приходится... Ах, черт возьми! – вдруг выругался майор. – Что это?.. Смотрите, смотрите, они украли со стола какой-то документ! Мы опоздали! Он лежал здесь вот, под рукой умершего! Несомненно, это были его записи. – И майор указал на почти чистое от пыли место на крышке стола. Наверное, тут раньше находилась ученическая тетрадка или листочки бумаги такой же величины.

Никогда раньше я не видел Рожкова таким взволнованным. Он схватил листочки, собранные Хрулевым, и стал их просматривать при свете фонаря. Все они были чистые, кроме одного. С лихорадочной поспешностью майор прочел его, потом приложил к чистому месту стола.

– Отсюда взята, несомненно! – сказал он, помолчав. – Да, нас опередили... Ну ничего! Не будем унывать!.. Сергей Михайлович, давайте сфотографируем все это. Да надо скорее вылезать наружу.

Я сфотографировал при вспышке магния карцер, кабинет и другие помещения. Майор собрал бумаги и спрятал их в резиновый мешок.

Мы без труда отыскали люк и спустились вниз по водостоку в колодец. Краевский с сержантом живо подняли нас на поверхность.

Потные, покрытые с ног до головы грязью, ослепленные ярким светом, мы имели такой забавный вид, что оба они невольно рассмеялись. Пришлось прежде всего сходить к реке, вымыться и переодеться. Потом сели закусывать. Майор рассказал Краевскому обо всем виденном. К нему вернулось его обычное хладнокровие.

– Сегодня у нас день неудач: мы упустили паромщика Галембу и прозевали важный документ. Теперь он в руках врагов. Но, думается мне, они скрываются пока что здесь, недалеко. Уже около недели, как я установил наблюдение за вокзалами, дорогами и поселками. Им некуда деваться. Не ускользнут.

– Почему ты полагаешь, что похищенный документ так важен? – спросил Краевский.

Майор молча раскрыл резиновый мешок.

– Это по всем признакам первая страничка тетради, – сказал он, передавая Краевскому бумагу. – Она была потеряна или же умышленно оторвана от тетради и выброшена. Прочти про себя.

Краевский прочел бумагу и передал ее мне. Вот что там было написано:

«Сию прикованный к цепи и осужденный на голодную смерть за то, что не продался врагам моей Родины и не испугался угроз.

Вчера все покинули подземный завод, а нам объявили приговор. Но это хорошо: значит, они разбиты и бегут.

Чтобы продлить наши страдания, нам оставили запас хлеба и воды. Это тоже хорошо: теперь я имею возможность записать все, что знаю об этом подземном предприятии и о его

работе. Профессор Хиссингер продикует мне о своих открытиях, о той великой научной тайне, которую он отказался сообщить фашистам.

Пусть она послужит на благо советского народа, на благо всего человечества.

Буду писать, пока хватит сил или пока аккумуляторная батарея не прекратит подачу тока.

Может быть, пройдет немало лет, прежде чем тетрадь эта увидит свет.

Может быть, в то время счастливое человечество, не знающее нужды, будет уже жить при коммунизме, а наука даст ему возможность использовать это великое открытие для мирных нужд.

Тогда те, кто будет держать в руках эту тетрадь, пожалуй, не найдут в ней ничего нового. Но пусть они помянут добрым словом двух несчастных, которые пожертвовали жизнью, чтобы не дать в руки злодеев страшное оружие.

Но обратимся к делу. В марте 1941 года к нам...»

На этом текст обрывался.

Я вернул листок Краевскому. Страничку, конечно, вырвали нарочно. Для чего шпионам нужны доказательства великого мужества и героизма русских? Этим они не угодят своим хозяевам, которым было бы не особенно приятно узнать, что простой русский человек предпочел смерть измене Родине.

– Кто этот Хиссингер? – спросил я Краевского.

– Крупный ученый-физик и известный антифашист. Он еще до войны не выходил из тюрьмы... А оберштурмбаннфюрер фон Римше, – добавил Краевский, – погиб. Его поезд взорвали партизаны недалеко отсюда. Из команды ни один человек не спасся – все были перебиты. Так совершилось возмездие...

Майор торопил нас в обратный путь. Когда садились в машину, он неожиданно сказал сержанту:

– Сержант Совков, вам придется на несколько дней остаться у колодца. Я пришлю сюда подменных, палатку, оружие и все необходимое и позабочусь также о вашем довольствии. Не допускайте к колодцу никого, кроме своих. Так спокойнее будет.

У паромы Рожков и Хрулев вышли, чтобы узнать, как идут дела у Анисимова. Прощаясь, майор сказал:

– Знаете, мы зря поторопились и не осмотрели как следует всего подземелья. Туда, несомненно, есть другой, настоящий вход, и шпионы проникли именно через него.

– Почему ты так думаешь? – спросил Краевский.

– По трубе до нас никто не лазил – там не было абсолютно никаких следов.

Глава XIV. Необдуманный шаг

На другой лень утром меня разбудил стук в дверь.

– Войдите, – сказал я, думая спросонок, что стучит Надежда Петровна.

Дверь отворилась, и вошла... Леночка. Я так обрадовался, что даже вскочил с постели:

– Леночка! Ты! Приехала? Вот молодец! Вот умница!

– Вчера вечером... Я соскучилась, Сережа. Не могла больше ждать и решила ехать.

– Вот и отлично!.. Ну, снимай шляпу и плащ и пойдем, я тебя познакомлю с хозяевами.

Я быстро привел себя в порядок и представил Леночку Надежде Петровне и Татьяне, которые, впрочем, уже догадались, кто она такая. Старушка приняла жену радушно, Татьяна же – довольно холодно. Скоро пришла Анечка Шидловская. Познакомившись с Леночкой, она тут же связвила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.